

ДЕНЬ НАСТОЯЩИХ РАЗВЕДЧИКОВ

Сердечно поздравляю наших военнослужащих и ветеранов с двадцатилетней годовщиной создания во внутренних войсках МВД России войсковой разведки.

Во все времена находились люди, чья природная пытливость первооткрывателя счастливо сочеталась с отвагой первопроходца. Желавшие знать и ведать, они всегда делали решительный шаг вперёд, открывая путь остальным. Это – в крови. Это как дар свыше. Разведка сегодня – это только одна из воинских профессий. Но это всегда профессия для тех, кто уже родился разведчиком.

В этом легко убедиться, коснувшись ярких офицерских судеб Сергея Петрушко, Александра Клинова, Дмитрия Чуханова, Александра Карпенко, Василия Чубенко и других наших товарищей-разведчиков, в буквальном смысле живших своей профессией и погибших в разведке.

Подвиги этих людей составляют настоящую гордость войсковой разведки, отмечающей двадцатилетнюю годовщину со дня создания в Главном управлении командующего ВВ МВД РФ разведывательного отдела.

Если говорить точнее, разведка внутренних войск была образована чуть раньше – в октябре 1991 года. Однако позднее было принято решение приурочить празднование её основания к Дню военного разведчика, который ежегодно отмечается в России 5 ноября. В этом я вижу справедливое признание преемственности: войсковая разведка – это та же военная разведка, рождение которой в её войсковом варианте предопределили характер внутренних угроз и те способы контртеррористической борьбы, которые оказались наиболее эффективными. Она и создана целиком на опыте военной разведки, чьи офицеры в начале 90-х годов XX века стали кадровым костяком ещё только создающейся разведки внутренних войск.

Мне посчастливилось прийти на службу в войсковую разведку как раз в эту пору. На моих глазах произошло её становление как полноценного органа управления разведывательными частями и подразделениями, который сегодня в российском разведывательном сообществе имеет достойную своих заслуг репутацию.

В основу этого положен по-настоящему тяжёлый труд многих солдат и офицеров. Огромные усилия для становления разведки во все времена со дня её создания прилагаются командованием внутренних войск и руководством МВД России. С конца 90-х годов разведывательное управление главного штаба ГК ВВ наряду с частями и подразделениями войсковой разведки также осуществляет руководство частями и подразделениями специального назначения. Такое решение оказалось правильным: в целом резко повысилась боевая результативность войск в их противостоянии с вооружёнными бандформированиями на Северном Кавказе.

Накануне праздника свою особую благодарность я хотел бы выразить коллективу войскового журнала "На боевом посту". За многолетнюю и талантливую работу, благодаря которой примеры мужества и героизма солдат и офицеров разведки и спецназа внутренних войск, рассказы об их боевых буднях стали неотъемлемой частью истории российских войск правопорядка.

Тем же, кто ещё только собираются в войсковую разведку и спецназ, эти очерки и репортажи помогут представить себе, какие трудности могут встретиться им на пути к профессиональным высотам в разведке, и правильно рассчитать собственные силы.

Высокие физические, интеллектуальные и моральные требования, которые предъявляются к военнослужащим частей и подразделений войскового спецназа и разведки, – это требования времени.

Интенсивная боевая учёба и напряжённая боевая работа за два последних десятилетия очень изменили облик внутренних войск. То же самое можно сказать и о войсковой разведке и войсковом спецназе.

Они приобрели собственный богатый опыт. У них появляются новые учебные центры. На вооружение поступает самая современная техника, открывающая новые возможности в радиоэлектронной разведке, в поиске бандгрупп с воздуха и на земле, в их захвате и уничтожении. Высокие технологии, применяемые разведкой, требуют от солдат и офицеров добротной и разносторонней подготовки.

Но, как и прежде, всегда остаются в цене те извечные человеческие качества, которые, собственно, и делают человека настоящим разведчиком: ум и физическое здоровье, отвага и терпение, верность своему делу и своей Родине.

Генерал-лейтенант Сергей КУЦОВ,
заместитель начальника главного штаба –
начальник разведывательного управления
ГК ВВ МВД РФ

В службе честь!

НА БОВОМ ПОСТУ

Журнал – лауреат
премии МВД России

Учредитель: Российская Федерация.
Полномочия учредителя от имени
Российской Федерации
осуществляет МВД России

Издатель: Главное командование
внутренних войск МВД России

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420**

Главный редактор КОЛЕСНИКОВ С.С.
тел.: (495) 361-82-57

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВ К.А., АРТЮХОВ Е.А.,
архиепископ Челябинский и Златоустовский
Феофан (АШУРКОВ И.А.), БАБАЙЦЕВ С.В., БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
БОЛТИКОВ В.В., ГРЕКОВ В.И., ДОЛОНИН Н.А., ДУРКАЧ Р.П.,
ДЮЛЬДИН С.А., ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КРЫСАНОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г., МАКОВЕВ Т.К.,
МИХАЛЕВ А.Н. (зам. главного редактора),
НОВОЖИЛОВ В.Ю., ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТЕЛИН Н.Н.,
ПОРТНОВ С.А., РОВЕНСКИЙ П.Н.,
СОРОКИН А.К. (ответственный секретарь),
СОФРОНОВ И.Е. (зам. главного редактора),
ЧЕПЯШЕВ С.К., ЭДКОВ А.А.

Дизайн БОЛТИКОВ В.В.

Вёрстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Отдел распространения и маркетинга
тел./факс: (495) 361-83-14
e-mail: nbp-market@yandex.ru

Финансовый отдел
тел.: (495) 361-83-85

Отдел рекламы
тел./факс: (495) 361-87-27
e-mail: reklamavmvd@mail.ru

Типография
тел.: (495) 361-88-54

Сдано в набор 23.09.2011. Подписано к печати 18.10.2011.
Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 294.

Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: (495) 361-81-71
E-mail: vvpst2006@yandex.ru

© Журнал "На боевом посту", 2011

**№ 11 (529)
ноябрь 2011**

На 1-й странице обложки:

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

**Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник
учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник".**

При перепечатке материалов ссылка
на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать
и литературно обрабатывать принятые
к публикации тексты. Редакция может
публиковать материалы, не разделяя
точку зрения авторов. Рукописи не
рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов, имён
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций,
за достоверность рекламных
объявлений – рекламодатели,
за качество печати – типография.
Переписка с читателями ведётся
только на страницах журнала.

Индекс для подписки через
агентство "Роспечать" –

70 610

**БОЕВАЯ УЧЁБА
8 ПОТ АРТИЛЛЕРИИ СПАСАЕТ
КРОВЬ ПЕХОТЫ**

**ГОРЯЧИЙ РЕГИОН
12 ЮВЕЛИРЫ ИЗ МИНОМЁТНОЙ
БАТАРЕИ**

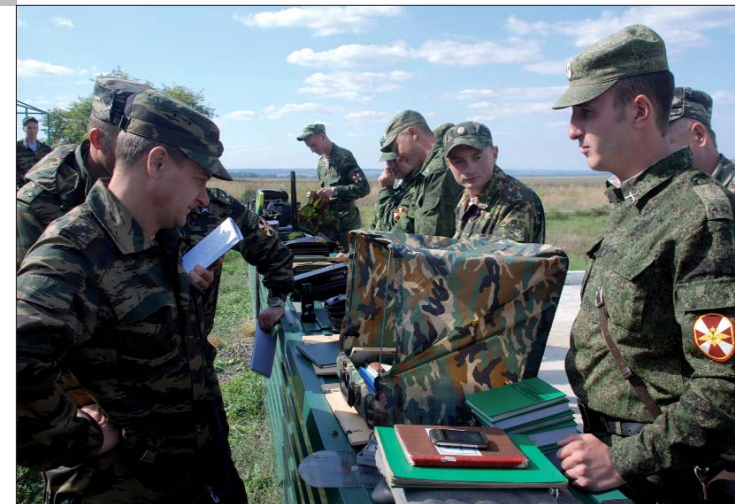
**СЛУЖБА
16 ПЕРВЫЕ ИЗ РАЗВЕДКИ**

18 СДАЛИ ТЕ, КТО НЕ СДАЛИСЬ!

**24 НА ВОЙНЕ НЕ СТРАШНО –
СТРАШНО ПОСЛЕ ВОЙНЫ**

28 ХРАНИТЕЛИ НАУКОГРАДА

СОДЕРЖАНИЕ

**ИНТЕРВЬЮ
НОМЕРА**

Начальник артиллерии Главного командования внутренних войск
МВД России генерал-майор Александр ДЕРКАЧ:
**МЫ ВСЕГДА И ВО ВСЁМ ДЕЛАЕМ СТАВКУ
НА ПРОФЕССИОНАЛОВ**

4

**ИСТОРИЯ
34 ГОРЯЧИЙ НОЯБРЬ
ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОГО**

**КУЛЬТУРА
37 ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В СТРОЮ
ТАЛАНТЫ...**

**ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ
42 ПОЛЕ ЕГО БРАНИ:
УГРУМЫЙ СОЛДАТ
ВИКТОР АСТАФЬЕВ**

**СПОРТ
48 ИЗ НЬЮ-ЙОРКА С ПОБЕДОЙ**

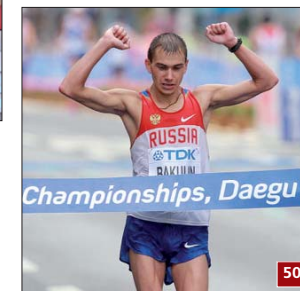
**50 БОЛЬШОЙ СТАРТ –
БОЛЬШОЙ УСПЕХ!**

**ЛИТЕРАТУРА
53 МЕРИ**

61 МУЗЫКА ЖИЗНИ

**КНИЖНАЯ ПОЛКА
63 ЛЕКАРЬ С ОТЛИЧИЕМ**

**64 ПИСАТЕЛЬ, ПЕРЕРОСШИЙ
ЛИТЕРАТУРУ**

Александр Сергеевич Деркач родился 28 июня 1959 года в городе Лугины Житомирской области. В 1980 году окончил Одесское высшее артиллерийское командное училище. Командовал огневым взводом, самоходной артиллерийской батареей, артиллерийским дивизионом, был начальником штаба и командиром артиллерийского полка.

Во внутренних войсках МВД России с 1999 года. Прошёл должности начальника артиллерии дивизии, начальника отделения, заместителя и начальника отдела боевого применения артиллерии и средств ПВО, начальника штаба артиллерии – заместителя начальника артиллерии главного штаба ГКВВ МВД России.

С 2009 года – начальник артиллерии ГКВВ МВД России. Звание генерал-майора присвоено Указом Президента Российской Федерации №1328 от 3 ноября 2010 года. Участник боевых действий. Награждён орденом Мужества, медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени, медалями Суворова и “За боевые заслуги”.

Женат, воспитывает сына.

Начальник артиллерии Главного командования внутренних войск МВД России генерал-майор Александр ДЕРКАЧ:

МЫ ВСЕГДА И ВО ВСЁМ ДЕЛАЕМ СТАВКУ НА ПРОФЕССИОНАЛОВ

– Товарищ генерал-майор, что сегодня представляет собой и какие задачи выполняет артиллерия внутренних войск?

– Сегодня наша артиллерия – это компактные, высокомобильные, оснащённые современной техникой и вооружением части и подразделения, которые имеются в бригадах и полках оперативного назначения.

А главной задачей нашей артиллерии была и остаётся огневая поддержка частей оперативного назначения, подразделений разведки и отрядов специального назначения,

участвующих в контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона. Именно там сосредоточены наши основные усилия.

В прошлом году в соответствии с приказом министра внутренних дел Российской Федерации во внутренних войсках был сформирован артиллерийский полк, который вошёл в состав 46-й бригады. Встав на огневые позиции, его дивизионы и батареи сразу же приступили к выполнению служебно-боевых задач. Командование ОГВ(с) высоко оценило огневые возможности полка и уро-

вень подготовленности личного состава. При подведении итогов деятельности группировки артополк, как правило, отмечается в числе лучших.

– И каковы же результаты боевого применения артиллерии?

– Знаете, давайте отойдём от конкретных цифр. Потому что оценка эффективности применения артиллерии сегодня складывается из множества факторов. И когда мы начинаем говорить об этом, то встаёт вопрос: а что считать главным при определении конечного результата и чем, по какой шкале из-

мерения его оценивать? Количеством стрельбы? Числом подбитых танков? Так их у бандитов давно уже нет, даже легкобронированные джипы и те уничтожили. Разрушенными фортификационными сооружениями? А что считать таковыми? Если укрепленные блиндажи и оборудованные боевиками долговременные базы, то счёт можно вести на сотни.

На мой взгляд, самая правильная оценка действий нашей артиллерии следующая. Террористы и бандиты прекрасно осведомлены, что артиллерийские подразделения внутренних войск смогут быстро нанести им мощное и прицельное огневое поражение. И это довлечет над ними постоянно, оказывает очень сильное психологическое воздействие. Зная об артиллерийском сопровождении войсковых колонн, боевики зачастую вынуждены отказываться от нападения на них и устройства засад из опасения попасть под разрывы наших мин и снарядов. Уже только этим мы сохраняем жизни солдат и офицеров.

Ну а если говорить о конкретных результатах огневого воздействия, то и они есть. Наши спецназовцы и разведчики, бойцы частей оперативного назначения не понаслышке знают, что такое огонь артиллерии внутренних войск: наши орудия и миномёты, как правило, работают в их интересах и по выявленным ими же целям – огневым точкам и базам боевиков.

– Если уж мы заговорили о боевом применении наших артиллеристов, то хочу спросить: кто лучше с ними управляется – контрактники или бойцы, призванные на год?

– Конечно, мы всегда и во всём делаем ставку на профессионалов. Например, в артополку, дислоцированном на территории Чечни, все должности укомплектованы контрактниками. И хочу отметить особо: больших проблем с кадрами там нет. Конечно, встречаются люди, которые ошиблись или разочаровались в выбранной профессии: солдатский труд всегда был и остаётся тяжёлым. Но в целом высокая заработная плата, вдумчивый подбор и кропотливая работа командиров, достойные бытовые условия играют свою роль – многие солдаты и сержанты продлевают контракты, продолжают служить.

А вот в других регионах с набором контрактников дела обстоят похуже. Низкая, никак не соответствующая интенсивности службы и нагрузкам зарплата не прельщает людей. Но, думаю, с нового года, когда существенно повысится денежное довольствие военнослужащих, и эта проблема будет решена.

– Успех выполнения служебно-боевых задач во многом зависит от профессиональной подготовки командиров. Но военные институты внутренних войск офицеров-артиллеристов не готовят. Тогда откуда у нас появляются подготовленные офицерские кадры?

– Не совсем так. Действительно, большая часть артиллеристов при-

ходит к нам из вузов Министерства обороны. Но некоторых мы готовим сами, в наших войсковых вузах, вернее, в одном из них.

Для первичной подготовки командиров миномётных взводов в Санкт-Петербургском институте внутренних войск МВД России на кафедре огневой подготовки проводятся специальные факультативные занятия. В дальнейшем, если офицер не разочаровывается в выбранной специальности, мы направляем его на трёхмесячные курсы при Михайловской артиллерийской академии. Там он получает прекрасные практические навыки и знания, опираясь на которые в дальнейшем может стать высококлассным специалистом.

Уже давно подмечено: в начале службы лейтенанты, выпускники вузов Минобороны, превосходят наших кадровых вэвэшников в знании тонкостей артиллерийских наук. Это естественно: всё-таки их этому учили целых пять лет. Но затем в процессе совместной службы, учений, боевых стрельб уровень подготовленности офицеров начинает быстро выравниваться, причём как в практических навыках, так и в теоретических познаниях. И некоторые наши воспитанники, окончившие курсы повышения квалификации, уже заняли во внутренних войсках весьма высокие руководящие артил-

лерийские должности. А те, кто только ещё на пути к ним, демонстрируют отменную полевую выучку.

За примером далеко ходить не надо. Недавно в финале войсковых состязаний командиров батарей второе место занял капитан Константин Самойленко, который закончил не артиллерийский вуз Министерства обороны, а Саратовский институт внутренних войск. И это не помешало ему превзойти в решении огневых задач и выполнении различных нормативов выпускников артиллерийских училищ!

Так что главное в профессиональной подготовке любого офице-

ра – это постоянная работа над собой, пополнение своих профессиональных знаний и совершенствование навыков.

А вообще, если говорить откровенно, мне за своих подчинённых никогда не было стыдно. Наши молодые комбаты и командиры дивизионов ежегодно выступают на Всеармейских состязаниях и уже не раз занимали там призовые места. А это, поверьте мне, дорогого стоит: ведь туда приезжают лучшие артиллеристы со всей России.

– Артиллерия – оружие коллективное. И результат его применения напрямую зависит от слаженной работы большого числа людей. Где сейчас войска готовят младших командиров и артиллерийских специалистов?

– Ещё совсем недавно командиров артиллерийских расчётов, вычислителей и командиров отделений артиллерийской разведки для нас готовили в учебных частях Министерства обороны. Но, по оценкам многих командиров, их знания и навыки зачастую оставляли желать лучшего. Поэтому в прошлом году главнокомандующим внутренними войсками было принято решение сформировать учебный дивизион на базе учебной бригады Северо-Кавказского регионального командования ВВ МВД России и опять, как и раньше, самим готовить артиллерийские кадры.

В этом году уже состоялись два выпуска. Улучшение в подготовке курсантов есть. Конечно, пока не всё идёт так гладко, как бы нам хотелось. Сами понимаете – дело новое, офицерам учебных частей приходится нелегко. Они сейчас выступают в роли и командиров, и преподавателей одновременно, а это совмещать непросто. Но хочу отметить, что благодаря грамотному, вдумчивому подходу артиллерийских начальников Северо-Кавказского регионального командования и самой учебной бригады, хорошей материальной базе и тому обстоятельству, что рядом расположен учебный центр, в дивизионе созданы хорошие условия для качественного – теоретического и практического – обучения артиллеристов.

Так что, думаю, в недалёком будущем наши младшие командиры и специалисты будут выпускаться настоящими профессионалами. Вот

тогда мы и начнём получать от комбатов и командиров дивизионов не претензии, а благодарности за их подготовку.

– Александр Сергеевич, артиллерия внутренних войск работает в тесном взаимодействии с подразделениями спецназа и разведки. А для такой работы требуются хорошо подготовленные корректировщики артогня. Где их готовят?

– В каждом региональном командовании. И опять же, готовят сами для себя. Происходит это во время полевых выходов артиллерийских подразделений. Тогда в масштабе всего регионального командования планируют и проводят сборы с внештатными корректировщиками артиллерийского огня. Это могут быть прапорщики, сержанты или наиболее подготовленные солдаты – на усмотрение командиров.

За время сбора офицеры-артиллеристы проводят с ними целый комплекс занятий. Вначале изучают теорию, тактико-технические характеристики орудий и миномётов, работают с картой, учат определять координаты своего местоположения и цели. Затем практикуются в работе на оптических приборах и средствах связи. И только потом, после приёма всех зачётов, начинают обучать корректировке артиллерийского огня.

На завершающем этапе каждый обучаемый лично управляет артиллерийским огнём, чтобы почувствовать, какую мощь он может обр-

щить на голову противника. Бойцы говорят, что после таких стрельб у них остаются незабываемые впечатления.

– Какие новые образцы артиллерийского вооружения, средств связи, вычислительных и разведывательных приборов уже появились и, возможно, появятся во внутренних войсках в ближайшее время?

– Сегодня к нам поступает достаточно новинок. Главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал армии Николай Евгеньевич Рогожкин и начальник главного штаба генерал-полковник Сергей Викторович Бунин уделяют этому вопросу огромное внимание. Выделяются необходимые средства на закупку вооружения, на проведение изыскательских и конструкторских работ.

Например, у нижегородского завода «Буревестник» мы приобрели разработанный там миномётный комплекс 2С12А-1 «Сани», который уже прошёл испытания и на заводских полигонах, и в боевой обстановке, получив при этом весьма лестные отзывы. Более двадцати таких комплексов мы уже закупили и направили в батареи и дивизионы.

Наряду с новым вооружением в артиллерийские подразделения поступают современные цифровые средства связи. Артполк 46-й бригады, например, уже полностью ими оснащён.

Наши офицеры-артиллеристы обучены и успешно работают с на-

вигаторами, карманными переносными компьютерами, электронными планшетами. Но вместе с тем каждый из них знает, что вся эта новейшая техника легкоуязвима: то аккумулятор не вовремя сядет, то спутник не найдётся, то от повышенной влажности воздуха схему замкнёт. Поэтому мы учим офицеров пользоваться любыми вычислительными приборами: электронными, оптическими, механическими.

И вместе с этим не отказываемся ни от каких технических новинок. Думаю, не за горами то время, когда в наших дивизионах появятся такие средства разведки и наблюдения, как беспилотные летательные аппараты «Элерон». Они уже прошли войсковые испытания и приняты на вооружение.

– Товарищ генерал, что бы вы пожелали своим сослуживцам, коллегам и подчинённым в их профессиональный праздник, который все артиллеристы ежегодно отмечают 19 ноября?

– Здоровья, счастья, семейного благополучия. А самое главное – мирного неба над головой. И тишины, не нарушаемой залпами пушек и грохотом взрывов. Пусть наши орудия стреляют исключительно на полигонах и во время праздничных салютов!

★
Беседовал подполковник
Николай ПЕТЕЛИН
Фото автора
и Владимира НИКОЛАЙЧУКА

ПОТ АРТИЛЛЕРИИ СПАСАЕТ КРОВЬ ПЕХОТЫ

Ещё Петр I говорил: "Стрельба артиллерии – не токмо грохот пушек, но и наука великая!" Убедиться в правдивости слов великого императора мне довелось на артиллерийском полигоне учебного центра Северо-Кавказского регионального командования ВВ МВД России во время финальных состязаний полевой выучке командиров артиллерийских батарей. Двенадцать лучших офицеров-артиллеристов, победивших на отборочных этапах в частях, соединениях и региональных командованиях, прибыли сюда помериться силами в профессиональной подготовке и боевом мастерстве.

Современный командир батареи должен знать многое. Поэтому программой состязаний было предусмотрено не только теоретическое решение и практическое выполнение различных огневых задач, но и тактическая летучка, сдача нормативов по технической, специальной, огневой и физической подготовке, а также вождение грузовых машин, стрельба из стрелкового оружия. При столь насыщенном расписании соревнований скучать конкурсантам не приходилось. Пять дней протетели как один. За это время офицеры успели познакомиться друг с другом и, что не менее важно, несмотря на личное соперничество и стремление каждого по-

бедить в конкурсе, сохранили дружеские отношения.

Первый день состязаний был посвящён проверке теоретических знаний и смотру полевой экипировки. К моему удивлению, претензий у руководителей сборов к участникам состязаний оказалось больше чем достаточно. Видя недоумение, явно читавшееся на моем лице, один из членов комиссии, полковник Олег Яцына, отвёл меня в сторону и дал краткий комментарий:

– Мы от прибывших на состязания офицеров ничего сверхъестественного не требуем. В целом они все экипированы хорошо. Но наши требования с каждым годом становятся всё жёстче. А теперь пойдёмте на построение, сейчас подведение итогов начнётся.

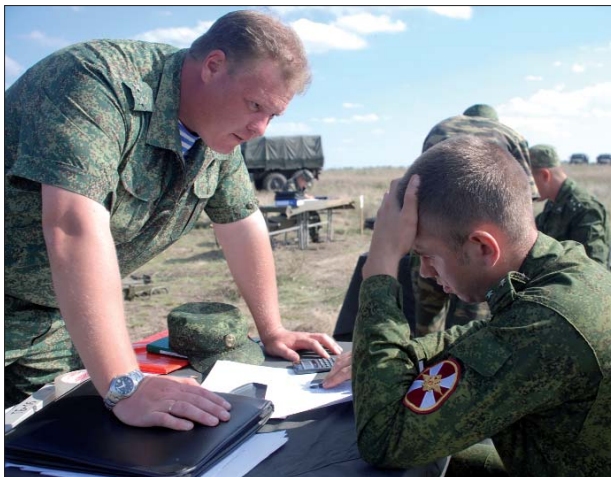
С первого дня состязаний уверенно заявили о претензиях на лидерство майор Юрий Терёхин, капитаны Константин Самойленко и Роман Кордюков, лейтенанты Фёдор Тарадайко и Сергей Моржаков, показавшие лучшие результаты на теоретическом экзамене по тактике артиллерии. Они же были в передовых при решении летучки, на которой рассматривались тактические задачи при подготовке артиллерийской батареи к ведению боевых действий.

С наступлением второго дня соревнований сидение за партами закончилось. Пришло время практического решения огневых задач.

Целый день на батарее артиллерийского полка, развернувшейся на огневой позиции, шла слаженная работа. Оглушительно рывкали орудия, выбрасывая из казенников отстрелянные, дымящиеся гильзы. Тяжёлые снаряды с гулким шелестом улетали куда-то за горизонт, превращая в пыль и щепки невидимые цели. Расчёты работали чётко и слаженно и всё же с трудом выдерживали режим огня. Командир батареи старший лейтенант Евгений Акулов то и дело торопил взмокших от пота подчинённых хлёсткими, как винтовочные выстрелы, командами: – Навести! Основное! Огонь! Стой! Записать!

В недолгие минуты затишья, пока где-то далеко, на командно-наблюдательном пункте, шла смена конкурсантов, усталые солдаты и сержанты тяжело опускались на землю и с завистью говорили о соревнующихся офицерах-артиллеристах: "Вот это служба! Стой у карты, поглядывая в бинокль за разрывами да команды радиотелефонисту подавай! Вы с нами согласны, товарищ журналист?" Нет, не согласен. Я оттуда недавно вернулся и видел, что творится на КНП.

Вместе с капитаном Романом Кордюковым пробираюсь в укрытый маскировочной сеткой командно-наблюдательный пункт. Там его поджидает полковник Олег

Яцына, который сразу приступает к делу, вводя конкурсанта в «боевую обстановку»:

— Вы, командир батареи, приданной батальону оперативного назначения. В ходе разведывательно-поисковых мероприятий одна из рот вступила в огневой контакт с бандой, которая укрепились на южных склонах балки Двойная. Командир батальона решил после перегруппировки сил атаковать боевиков и поставил батарее задачу подавить огневые точки противника. В сложившихся условиях командир дивизиона принял решение определять установки для стрельбы на поражение по объекту атаки переносом огня от репера. Наблюдайте!

Капитан Кордюков внимательно осматривает местность и быстро находит указанную точку:

— Репер понял!

Полковник Яцына включает секундомер.

Офицер склоняется над картой, высчитывает нужные поправки и подаёт команду на огневую позицию:

— Основному! Один снаряд огнём! В двух километрах перед нами из земли беззвучно вырастает фонтан разрыва, и только через несколько секунд доносится тяжёлый гул.

Капитан вновь берётся за расчёты. Я пристально вглядываюсь в лицо Романа через видоискатель фотоаппарата. Нет, не лёгок труд офицера-артиллериста. Через несколько минут после начала вычислений офицер становится буквально мокрым от пота. Внутреннее напряжение скрывает его лицо, он то и дело смахивает рукой крупные капли, падающие со лба на листы топографической карты. Да, наверное, не зря в войсках говорят, что пот артиллерии в бою спасает кровь пехоты. Капитан вновь подаёт команды на огневую позицию:

— Дальность до репера топографическая 7100 метров. Доворот топографический... Поправка в дальности минус 147 метров, направление левее ноль двадцать. К переносу готов. Я Утёс!

Тем временем на соседнем КНП лейтенант Фёдор Тарадайко решает схожую огневую задачу. И там точно такое же напряжение сил и нервов. И там идёт борьба с неумолимым вре-

менем за точность и безошибочность расчётов и счислений.

После завершения стрельб конкурсанты признали, что поставленные задачи хотя и были сложными, но вполне решаемы. В принципе все они не раз отработывались на тренировках. Другое дело, что здесь приходится работать на время, под пристальным вниманием и контролем членов комиссии, а это, разумеется, нервнует. Но правильно заметил один из участников состязаний капитан Константин Самойленко:

— Это нормально, так и должно быть. Надо учиться преодолевать волнение. В настоящем бою оно ещё не таким будет. Здесь для нас созданы все условия, пользуйся для расчётов любыми средствами. Личный состав батареи, выделенный для практических действий, прекрасно подготовлен, орудия наводят почти идеально, куда направил, туда снаряд и попадает. Связь организована, у меня замечаний к радиотелефонистам нет. Так что, если промахнулся — сам виноват, пенять не на кого!

Вечером, после подведения итогов, в беседе с офицером штаба артиллерии ГКВВ полковником Андреем Коноваловым об организации и необходимости подобных состязаний задаю вопрос: что делать офицерам, которые не стали победителями или призёрами? Ведь почти каждого из них командиры провожали со словами: «Ты должен стать победителем!»

Андрей Евгеньевич улыбнулся: — Не могут на соревнованиях все быть победителями. Но и проигравших здесь тоже нет. Если офицер сюда приехал, то он уже один из лучших. И даже если занял здесь последнее место, это не значит, что он плохой артиллерист. Скорее всего он просто не смог показать свои знания полностью, не сумел мобилизоваться в нужный момент, нервничал. Бывает, и ошибаются люди, это же соревнование. Здесь не надо бояться проигрыша. Если отстал от лидеров, это не трагедия, а тревожный звонок: пора браться за ум. Посмотрите, здесь собрались не только выпускники артиллерийских училищ, но и воспитанники институтов внутренних войск, у которых за плечами не пять лет обучения в профильном вузе, а лишь курсы при Михайловской военной артиллерийской академии. Вот капитан Константин Самой-

ленко стреляет отменно, а он, между прочим, закончил Саратовский институт внутренних войск. Так что в нашем деле многое зависит от личных способностей, желания и трудолюбия. Будешь заниматься — будет результат.

Победитель состязания капитан Роман Кордюков

ленко стреляет отменно, а он, между прочим, закончил Саратовский институт внутренних войск. Так что в нашем деле многое зависит от личных способностей, желания и трудолюбия. Будешь заниматься — будет результат.

В заключительный день состязаний офицеры-конкурсанты сдавали зачёты по огневой и физической подготовке. Разница в баллах между лидерами была минимальна, и теперь многое зависело от физической подготовленности и умения стрелять из штатного оружия. При выполнении этих нормативов отличился лейтенант Фёдор Тарадайко, показавший отличные результаты в стрельбе из автомата и пистолета, в подтягивании и беге, набрав максимальное количество возможных баллов.

На этом тринадцатые состязания полевой выучки среди командиров батарей внутренних войск завершились. Офицеры вновь расселись за парты в учебном классе. Наступили самые волнующие минуты: председатель комиссии начальник артиллерии ГКВВ МВД России генерал-майор Александр Деркач огласил результаты состязания.

Первое место в конкурсе завоевал представитель ОДОНа капитан Роман Кордюков. Вторым стал капитан Константин Самойленко из калачёвской бригады Северо-Кавказского регионального командования, третьим — лейтенант Фёдор Тарадайко из приволжской отдельной бригады оперативного назначения.

Победителю и призёрам генерал-майор Александр Деркач вручил грамоты и ценные подарки. Напомнив при этом, что теперь они имеют преимущественное право выдвижения на высшие должности и направления на учёбу в академию.

А победитель состязаний капитан Роман Кордюков в следующем году будет защищать честь артиллеристов внутренних войск на Всесармеевских состязаниях под Лутой. Так что пожелаем ему удачи и дальнейшего роста профессионального мастера.

★
**Подполковник
Николай ПЕТЕЛИН**
Фото автора

ЮВЕЛИРЫ ИЗ МИНОМЁТНОЙ БАТАРЕИ

События, произошедшие минувшим летом в Эльбрусском районе Кабардино-Балкарии, долго не сходили с телеэкранов и газетных страниц. На сетевых порталах ведущих СМИ каждые три часа обновлялись вести из беспокойного региона, где в лесополосе неподалёку от населённого пункта Нейтрино сотрудниками ФСБ и МВД была заблокирована группа боевиков. По некоторым данным, среди бандитов находился убийца муфтия республики, а также ещё ряд лиц, числившихся в федеральном розыске за похищение людей, теракты, убийства военнослужащих, полицейских и мирных жителей. Ближе к утру в информационных сводках промелькнуло сообщение: на помощь стражам порядка подошло подразделение внутренних войск, усиленное артиллерией...

Всё началось с того, что близ посёлка Нейтрино боевики решили устроить очередную диверсию на трубопроводе. Однако в ту ночь у "непримиримых" дело не заладилось с самого начала: когда они закладывали первую смертоносную мину, она неожиданно рванула прямо в руках у минёра, и вместо га-

зовой трубы на воздух взлетели сами бандиты.

Услышав взрыв, на место примчалась группа немедленного реагирования из местного РОВД. Выйдя из машины, полицейские направились к воронке. И тут же из зелёнки раздались автоматные очереди. Как выяснилось потом, боевики вернулись, чтобы забрать трупы подельников и второй, уцелевший заряд.

Стражи порядка залегли и открыли ответный огонь. На помощь коллегам выехали резерв райотдела, а также мобильные группы из дислоцированных неподалёку отрядов полиции специального назначения из Перми и Нижнего Новгорода. Вслед за ними прибыл заместитель министра внутренних дел республики полковник полиции Руслан Альбердиев, возглавивший операцию.

Одновременно с полицейскими к месту боестолкновения вышел резерв полка оперативного назначения внутренних войск вместе с расчётами миномётчиков.

Вспоминает капитан Андрей Вересов, заместитель командира миномётной батареи:

— Это лето в республике выдалось жарким во всех отношениях, в том числе и по оперативной обстановке. Не проходило и недели, чтобы где-нибудь не случилось нападения на сотрудников полиции, обстрелов, подрывов. Всё это время мы находились в резерве, выезжая на специальные операции в составе групп оперативного реагирования.

В то утро мы, как обычно, находились в прикрытии на одной из застав. Около восьми часов поступила команда выдвигаться в Эльбрусский район, к посёлку Нейтрино. Со мной выехали четырнадцать бойцов во главе с командиром первого взвода старшим лейтенантом Петром Световым.

Когда прибыли на место, там уже работали полицейский спецназ из Перми, Нижнего Новгорода и местные стражи порядка. Я уточнил у полковника Альбердиева задачу. Затем развернули миномёты и стали ждать команды...

Почти одновременно с миномётчиками к посёлку Нейтрино подоспел резерв полка оперативного назначения во главе с начальником штаба одного из оперативных батальонов майором Владимиром Кухтовым. По команде руководителя операции полковника Руслана Альбердиева разведзвод с приданным десятком бойцов отдельного батальона оперативного назначения заблокировали указанный участок со стороны зелёнки.

Буквально через пятнадцать минут на западном склоне горы наблюдатели обнаружили тронх вооружённых людей. Тотчас же их координаты были переданы авиации, и спустя некоторое время над горами появился вертолёт.

Авиаторы нащупали маршрут, по которому пытались уйти боевики. Бандиты же, поняв, что обнаружены, стали палить по вертушке. Однако экипаж, несмотря на обстрел, сделал ещё несколько заходов, подойдя почти вплотную к месту, где прятались “духи”, и навёл на них артиллерию.

Вспоминает командир взвода миномётной батареи старший лейтенант Петр Светов:

— Первые две цели пилоты обозначили дымами, и мы сразу же произвели по ним несколько залпов. Наши позиции находились в низине, на открытой местности, а “духи” примерно в километре от нас, на высоте около 200 метров.

Сначала мы работали практически вслепую, ведя огонь по местам предположительного нахождения боевиков, поскольку точных координат у нас не было. Затем удалось вычислить, где движется одна из групп. Тогда начали отсекал её от вершины. Достали кого-то осколки наших мин или нет, не знаю, но бандиты были вынуждены повернуть назад.

Поняв, что вверх по склону уйти не удастся, боевики ринулись вниз, к дороге, выйдя прямо на позиции батареи капитана Вересова.

Первым на пути бандитов оказался миномётный расчёт в составе младшего сержанта Руслана Кадом-

цева, рядового Ивана Морозова и ещё нескольких бойцов. Бандиты обрушили на них шквальный огонь из всех стволов, пытаясь прорваться через низину. По сути, это был их последний шанс выйти из окружения. За спинами миномётчиков находился ещё один поросший лесом склон, где не было групп блокирования и поисковых подразделений спецназа. А горстка артиллеристов поначалу не казалась боевикам серьёзной преградой.

Ситуация была аховой. На позиции миномётчиков не были открыты окопы, а из укрытий имелась лишь небольшая груда камней. Место удобное для чего угодно, но только не для того, чтобы держать оборону.

ловос со связистом рядовым Николаем Головым.

Вспоминает командир взвода разведывательной роты полка оперативного назначения старший лейтенант Роман Колосов:

— С самого начала операции нам была поставлена несколько иная задача. Но после попытки прорыва “духов” начальник разведки отправил меня со связистом рядовым Головым в распоряжение командира ОПСН корректировать огонь артиллеристов.

На месте нам обрисовали ситуацию, определили район поиска. Развернулись в боевые порядки и двинулись вдоль зелёнки, практически вдоль берега. Поначалу всё было тихо. Но, как известно, на войне нет ничего обманчивее тишины: вскоре напоролись на бандюков.

Всё произошло неожиданно. Шедший впереди старший лейтенант внезапно остановился и с криком: “Духи!” бросился на землю. Буквально в следующую секунду из зарослей на склоне загрохотали выстрелы.

Я с ходу залёг за ближайший камень, дал наугад пару очередей в сторону кустарника. В ответ оттуда застрекотал АПС. Как выяснилось потом, там укрывался сам главарь банды по кличке Чёрный Хусейн. Нарекли его так за лютую беспощадность не только к военным и сотрудникам полиции, но и к мирным жителям. Уже потом, когда труп этого “амира” был опознан, местные коллеги много рассказали про кровавые дела полевого командира и его подельников.

Но это всё было потом. А пока нас разделяли с этим Хусейном от силы десять-пятнадцать метров. И если бы не густые заросли, то для кого-нибудь из нас эти мгновения могли бы стать последними. По какому-то стечению обстоятельств пули боевика миновали меня. Но, увы, одна из них рикошетом зацепила старшего лейтенанта, залёгшего за камнем на склоне.

Перестрелка продолжалась недолго. Разобравшись, что к чему, мы начали обкладываться “духов”, метнувшись в зелёнку несколько гранат. Тотчас же послышались крики и треск кустов: видать, кого-то всё же зацепили. Следом со склона скатился тот самый раненый офицер. Рука у него была вся в крови. Я перетянул её жгутом из своей аптечки, перевязал. Сле-

дом подошли командир ОПСН с двумя офицерами. Раненого эвакуировали, а мы, быстенько прикинув, куда могли навести лыжи боевики, двинулись цепью, постепенно сжимая кольцо.

Минут двадцать-тридцать шерстили склон, затем решили проверить низину. Командир отряда выделил мне двоих офицеров-спецназовцев, и мы начали осторожно спускаться по склону. Уже у самого подножия с той стороны распада по нам ударил “калаш”. Одного из полицейских ранило.

Очевидно, у “духов” сдали нервы. Но теперь они обнаружили себя, и можно было более или менее точно вычислить место, где они находятся. Мы тут же связались с руководителем операции, и полковник Альбердиев выслал туда вертушку.

“Духи”, оказавшись загнанными в угол, начали палить по вертолёту. Пилоты в ответ отработали НУРСами и отвалили в сторону. После этого по моей наводке стали работать наши миномётчики.

Работали парни классно. Мины ложились, как говорится, одна к одной. Даже командир отряда потом восхищался: “Миномётчики ваши прямо ювелиры!”.

Вспоминает капитан Андрей Вересов, заместитель командира миномётной батареи:

— После того, как мы обработали загадочным огнём склон, от руководителя спецоперации поступи-

ла команда вновь положить мины в зелёнку, где, как выяснилось потом, обнаружилась вторая группа боевиков. Их координаты передал старший лейтенант Колосов, отправленный с офицерами полицейского спецназа в качестве корректировщика.

Сложность задачи состояла в том, что Колосов со своим связистом находились недалеко от позиций боевиков. То есть, по сути, вызывали огонь на себя. И медлить было тоже нельзя: бандиты могли уйти.

Дал команду открыть огонь. Сперва, как водится, шарахнули парой дымовых зарядов. Затем начали работать осколочными. Признаться, сердце было не на месте. Класть мины приходилось, что называется, впритирку к нашим разведчикам-корректировщикам, выверая прицел с угломером буквально до сотой доли миллиметра. После каждого выстрела душа замирала: а вдруг зацепили наших? Но, слава богу, каждый раз Колосов исправно выходил в эфир и давал новые целеуказания.

Вскоре остатки банды покатились вниз, где их, охватив склон полукольцом, уже поджидали спецназовцы. Перестрелка была недолгой...

Позже по горячим следам в зелёнке обнаружили два трупа. Потом нашли ещё четыре. Один из них оказался тем самым Чёрным Хасаном, которого несколько лет разыс-

кивали российские спецслужбы. На счету его банды было множество преступлений, в том числе и убийство 27 июля прошлого года в Чегемском ущелье супружеской пары из Краснодарского края, расстрел 9 июля прошлого года на источнике Джьлсу в Зольском районе замначальника инспекции штаба МВД по Дагестану, а также подрыв 19 февраля этого года канатной дороги в Приэльбрусье. Кроме этого на совести Хасана и его подельников были десятки жизней полицейских, военных и жителей республики. В тот день заслуженное возмездие настигло и его ближайшего “соратника” Асланбека Махиева с братом Бузжигитом, Асланби Тиртова и Барсби Хилариева, также долгие годы находившихся в федеральном розыске за терроризм.

...Подводя итоги операции, её руководитель заместитель министра внутренних дел Кабардино-Балкарии полковник полиции Руслан Альбердиев особенно отметил отменную работу миномётчиков оперативного полка внутренних войск, просто и душевно сказав: “Спасибо вам, мужики! Крепко своё дело знаете!”.

Подполковник Сергей КОРЕЦ, майор Константин АЛЕКСЕЕВ

Фото Сергея КОРЕЦ. Фамилии военнослужащих изменены

ПЕРВЫЕ ИЗ РАЗВЕДКИ

В рабочем кабинете начальника разведывательного управления главного штаба ГКВВ МВД России генерал-лейтенанта Сергея Николаевича Куцова всё пронизано уважением к военной тайне. Это явствует из аскетической пустоты столешниц, простоты расставленных по своим местам предметов, скупоści всегда приглушенных и лишенных любой эмоциональности слов.

Здесь принято говорить только по делу. И каждое из этих дел – большое или самое малое – всегда содержит долю секретов, знать которые в войсках, а также в высших инстанциях положено лишь самому узкому кругу людей. Такова уж профессия разведчика. Несуетная, во всем основательная и очень рискованная, она чуждается любой осласки и тем более похвалы.

Но бывают такие дни, когда генерал безо всякой утайки раскладывает перед собой на столе широкие листы бумаги с фотографиями людей, чьи имена мало о чем могут рассказать несведущему человеку.

Ряд за рядом – несколько сотен фотоснимков. Обыкновенные, ма-

ловыразительные лица. Сразу и не поверить, что за каждым из этих людей тянется длинный след тяжчайших преступлений, а все вместе они и есть то самое бандподполье, чьи деяния на Северном Кавказе и в других регионах России отмечены человеческим горем и кровью.

Эти фотографии предназначены для розыска. Организаторы и исполнители террористических актов, бандитские главарь и наёмники, диверсанты и палачи, инструкторы подрывников-смертников и активные пособники убийств – собранные здесь воедино фотоснимки позволяют видеть противника так, как если смотреть ему прямо в глаза.

Отыскав нужное изображение, генерал делает на нём жирную пометку красным фломастером. Если по две перпендикулярно пересекающиеся, вроде решётки, линии – это значит, что участник бандформирований задержан и заключён под стражу. В то время как две наискось перекрещивающиеся черты символизируют его ликвидацию.

Каждое подобное изменение в картотеке означает успешно проведенную боевую операцию. Не важно, является ли она заслуженной разведки и спецназа внутренних войск или же результатом работы другой силовой структуры. Это всегда – общая победа, олицетворяющая собой нейтрализацию очередного опасного врага, а иногда и целого бандитского кластера, как это многократно случалось во время разгрома банд и террористических сетей на территории Северо-Кавказского региона.

Сегодня даже трудно представить, что всего лишь два десятилетия тому назад внутренние войска МВД России не имели собственного органа управления разведывательными частями и подразделениями. Именно той, сегодня уже прославленной яркими боевыми делами, высокой по духу и уровню боевой подготовки разведки, без которой, кажется, просто немыслимо само существование российских войск правопорядка, играющих важную роль в обеспечении внутренней безопасности государства.

Рождение разведки во внутренних войсках предопределила сама обстановка, в которой пришлось действовать войскам правопорядка с конца 80-х годов XX века, – с поры возникновения на территории СССР межнациональных и иных конфликтов, положивших начало тяжёлым испытаниям, выпавшим на долю нашей страны в последние десятилетия.

Опыт участия войск в наведении порядка в Фергане и Сумгаите, Баку и Ереване, в Нагорном Карабахе и Южной Осетии, а также в других горячих точках Советского Союза со временем выявил серьёзные изъяны в организации действий войск в очагах конфликтов. У военнослужащих порой просто не хватало навыков и возможностей, чтобы вовремя получать и анализировать актуальную информацию. В сложной, требовавшей немедленной реакции обстановке это зачастую оборачивалось утратой инициативы.

Единственной воинской частью, имевшей в своём составе разведывательный взвод и подготовленных для ведения разведки военнослужащих, был в то время лишь «Витязь» – отряд специального назначения внутренних войск МВД России. Но этого было недостаточно для своевременного обнаружения и ликвидации террористических утроз в рамках тех масштабных задач, что возлагались на войска правопорядка.

Родоначальниками разведки внутренних войск, пожалуй, в равной степени следует считать как инициатора её создания, командующего внутренними войсками МВД СССР генерал-полковника Юрия Васильевича Шаталина, так и полковника Сергея Сергеевича Джобадзе – первого во внутренних войсках начальника разведотдела.

Разведка внутренних войск начала свою деятельность ещё во время вооружённого конфликта в Нагорном Карабахе, чтобы в ходе осетинско-ингушского конфликта и операции по восстановлению конституционного строя на территории Чеченской республики окреспнуть по-настоящему.

Совершенно понятно, почему костяк войсковой разведки поначалу составили офицеры военной разведки, перешедшие в войска правопорядка из Главного разведывательного управления Гене-

рального штаба. Они имели соответствующую профессиональную подготовку, которой не располагали в большинстве своём офицеры из внутренних войск, которым ещё предстояло в ходе учёбы и опасной боевой работы обрести соответствующие знания и навыки, чтобы называть себя разведчиками.

Важным было и то, что пришедшие в войска армейские офицеры несли с собой бесценный афганский опыт. Он очень пригодился в ходе первой и второй кампаний в Чечне, а также во время контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона для организации планомерной работы по поиску и уничтожению банд и террористических групп, отдельных главарей, инструкторов, а также связников международных экстремистских и террористических организаций.

Созданное в 1995 году разведывательное управление главного штаба внутренних войск возглавил генерал-майор Виктор Иванович Кузнецов, руководивший до этого разведкой Забайкальского военного округа.

С июля 2001 года начальником разведывательного управления является генерал-лейтенант Сергей Николаевич Куцов. Выпускник Калининского суворовского военного училища, Киевского высшего военного общевоинского командного училища, Военной академии имени М.В. Фрунзе и Академии Генерального штаба, как и многие другие офицеры-разведчики, он пришёл во внутренние войска из ГРУ в 1993 году.

Ко времени знакомства с войсками у Куцова уже был опыт службы в подразделениях специального назначения в Группе советских войск в Германии. И тяжёлый опыт афганской войны, с которой молодой офицер, служивший начальником штаба отдельного отряда специального назначения, вернулся с двумя нашивками за тяжёлые ранения и тремя боевыми орденами.

Важной вехой в развитии войсковой разведки стало то, что с 1998 года именно на разведывательное управление было возложено руководство частями специального назначения и разведывательными воинскими частями внутренних войск. Сделано это было в целях повышения эффективности их служебно-боевого применения. Как

впоследствии оценивал это решение начальник главного штаба ГКВВ МВД России генерал-полковник Сергей Викторович Бунин, «это дало новый мощный импульс развитию сил специального назначения как высокомобильного компонента войск правопорядка, оснащению их современным вооружением и высокотехнологичными средствами ведения разведки».

Этот шаг в полной мере соответствовал сложившимся реалиям контртеррористической операции: обнаружить противника, организовать его преследование и разгром – это и есть общая задача для разведки и спецназа ВВ, а способность их взаимно дополнять друг друга обуславливают единство как методов боевой подготовки, так и единства управления. Это – сплочённая общим боевым духом команда, где каждый из солдат и офицеров находится на своём месте.

В течение вот уже многих лет на долю войсковой разведки и спецназа приходится более девяноста процентов общего «боевого результата» внутренних войск – захваченных и ликвидированных главарей бандподполья и террористов, обнаруженных и разрушенных бандитских баз, тайников с оружием, боеприпасами и взрывчаткой. Это ударный отряд в борьбе с терроризмом и бандподпольем на Северном Кавказе.

За героизм, мужество, отвагу, самоотверженность, проявленные при выполнении служебно-боевых задач, пятидесяти двум военнослужащим подразделений спецназа и разведки внутренних войск присвоено высокое звание Героя России. Более четырёх тысяч солдат и офицеров из этих подразделений награждены орденами и медалями.

Каждая из этих наград по-настоящему боевая, потому что иных в разведке просто не дают.

Каждый разведкоиск по-настоящему опасен. Но всегда велика очередь тех, кто хотел бы служить в разведке.

Каждая такая судьба заслуживает отдельного рассказа, потому что жизнь в разведке – это всегда яркая страница любой биографии.

Даже если в ней не счесть испытаний...

★
Андрей ЭДОКОВ
Фото из архива редакции

**СДАЛИ ТЕ,
КТО НЕ СДАЛИСЬ!**

Квалификационные испытания на право ношения крапового берета проводятся два раза в год: весной и осенью. Вот и в этот раз 7 октября 2011 года в учебном центре отряда специального назначения "Меркурий" в Смоленской области военнослужащие Центрального и Северо-Западного региональных командований и Отдельной дивизии оперативного назначения боролись за право носить заветный головной убор – символ спецназа внутренних войск. Такие же экзамены прошли в Сибири и на Северном Кавказе.

Смоленская область. Прохладное осеннее утро. Свинцовые тучи остановились на небе, словно почувствовали важность и остроту момента. На плацу замерли в строю восемьдесят девять спецназовцев, облачённых в стальные шлемы и бронежилеты. Уверенность в глазах, напряжение в мышцах, сосредоточенность в мыслях.

Непродолжительный, но ёмкий инструктаж председателя войскового совета "краповых беретов": "Каждый из вас готов...", "Воля к победе над собой...", "Помощь и взаимовыручка...", "Докажите, что вы лучшие..."

Команда "Марш!" – и первая группа претендентов устремилась за инструкторами. Сколько из них дойдут до финиша? Сколько смогут выдержать изнуряющий марш-бросок, пройти огненно-штурмовую полосу, выстоять в поединках? Сейчас одному богу известно... Этапы испытаний, словно прицельные одиночные выстрелы, выбьют из строя одного за другим. Останутся лучшие из лучших...

Двенадцатикилометровый марш-бросок по пересечённой местности сам по себе не прост. А тут ещё вводные, которые подготовили изобретательные инструкторы. Вспышка с тыла (с фронта, слева, справа), разрывы гранат, "вражеские" засады, переноска "раненого"

товарища – кажется, голова пойдёт кругом от нескончаемой череды команд. Чуть замешкался, не выполнил – сразу схватил "минус". Три таких отметки в карточке инструктора напротив фамилии – и мечта о берете так и останется мечтой. И всё бегом, практически без остановок.

На полном ходу – в болотную жижу и холодное грязевое месиво! Налипшая на берцы глина делает пудовыми и без того отяжелевшие ноги. Каждый шаг даётся с трудом. Но ведь лёгкой жизни спецназу – никто не обещал, верно? Лиха беда начало!

Ещё пара километров бегом – и снова в воду! На этот раз по грудь.

Спецназовцы форсируют небольшую речушку. Противогаз в зубы, автомат над головой. Его, родимого, как зеницу ока беречь надо. А ну как не выстрелит после марш-броска и огненно-штормовой полосы?

За речкой – в траву выше пояса, которая словно верёвками вяжет ноги. Затем подъём. Не бог весть какой, конечно, но попробуй-ка одолеть его по-пластунски, в “сфере” и бронике после десятка уже оставленных за спиной километров! Но ничего, сдюжили.

А вот и ворота учебного центра показались из-за поворота. Двенадцать километров спецмарфона почти позади. До финиша дошли далеко не все. Да и испытания на этом ещё не закончились.

Едим чёрным дымом, закрывшим, казалось, полнеба, напомнила о себе подожжённая огненно-штормовая полоса. Колочая проволока в ключья рвёт и без того потрёпанный “комок”, стена до последнего выжимает остатки сил, разрушенный мост вновь проверяет на прочность уставшие ноги. Что-то не получается – плечо подставляет товарищ. Особым войсковым братством спецназ отличался во все времена.

За полосой следует проверка оружия: передёрнуть затворную ра-

му и сделать один-единственный выстрел холостым. Палец на спусковой крючок, хлопок – и заслуженные аплодисменты от “кряповиков”. А если в ответ тишина – готовься к следующей сдаче. Весной.

С полосы – на стрельбище. Все этапы, как говорится, на одном дыхании. Ни секунды на передышку. Поразил все мишени – милости просим на высотку.

Из окна пятого этажа на специальном тросе вниз с двумя остановками: в одно окно – очередь из автомата, в другое – гранату. Как приземлился, скорей освобождайся от спускового устройства. И левую руку вверх. Стоп! Время! Уложился – готовься к гимнастике и спаррингам.

Этот этап испытаний и претенденты, и инструкторы ждут с особым нетерпением. Пожалуй, для многих из сдающих он является самым сложным и непредсказуемым. Достаточно пропустить один точный удар – и на этом экзамен закончен. Обидно останавливаться в одном шаге от мечты...

Непрерывный двенадцатиминутный рукопашный бой... Противники – твои боевые товарищи и командиры. Каждый поединком идёт в полный контакт. Всё по-

настоящему: кровь, боль, травмы. Этап этот очень жёсткий, порой даже жестокий. Но именно он даёт возможность спецназовцу преодолеть себя: стиснуть зубы и выстоять. Выстоять – значит победить!

На контрольном построении вручают краповые береты. В этот раз из восьмидесяти девяти участников квалификационных испытаний право считаться лучшим из лучших заслужили пятнадцать спецназовцев.

Незадолго до квалификационных испытаний в Смоленской области аналогичный экзамен на право ношения крапового берета сдавали спецназцы Сибирского, Уральского, Восточного и Приволжского региональных командований. Проходил он в учебном центре "Искитим" Новосибирского военного института внутренних войск МВД России имени генерала армии И.К.Яковлева.

К испытаниям были допущены 44 претендента, прошедших предварительный отбор и тестирования в своих воинских частях. К финальному этапу испытаний — рукопашным схваткам — добралось лишь тринадцать из них. И здесь бои велись жестко и бескомпромиссно, с полным накалом страстей, с максимальным напряжением сил. В итоге заветный берет получила дюжина спецназовцев: пятеро приволжцев, трое сибиряков и по два представителя Уральского и Восточного региональных командований.

Бойцы отрядов специального назначения, дислоцированных в Северо-Кавказском региональном командовании внутренних войск МВД России, сдавали экзамен у себя "дома" — на

территории горного учебного центра, расположенного в Краснодарском крае неподалёку от станции Ахметовской. Здесь 12 октября на старт квалификационных испытаний вышел 31 претендент. Этапы те же: двенадцатикilометровый марш-бросок с массой вводных, усложняющих и без того непростую проверку физической готовности и умения действовать в команде, "штурм" высоты, в ходе которого требовалось поразить "террориста", не причинив вреда "заложнику", огненно-штурмовая полоса, акробатика и рукопашные схватки в полный контакт.

После завершения всех этапов квалификационных испытаний число обладателей крапового берета стало зеркальным отражением начального числа претендентов: из 31 их осталось 13.

Всего же осенью 2011 года ряды "краповиков" — элиты спецназа внутренних войск МВД России — пополнили 40 бойцов.

★
Майор Сергей ДЮЛЬДИН

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА,
Дмитрия БОЛДЫРЕВА,
Александра БАРАБАШОВА

НА ВОЙНЕ НЕ СТРАШНО – СТРАШНО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Денис очнулся в кабине “Урала” и в первые секунды не мог понять, где он находится. Такое состояние бывает, когда, смертельно уставший, засыпая перед телевизором, а потом внезапно возвращаясь в действительность.

За бронированным стеклом машины “шло кино”: воздух полосовали трассеры, полнеба занимала корма дымящегося БТРА. Приехали!..

История разведчика майора Гомозова на первый взгляд самая обыкновенная. Родился в офицерской семье, рос в гарнизонах, мечтал стать военным. Учился сначала в Тверском суворовском, потом в Московском общевойсковом, рвался на Кавказ, в боевую часть, мечтал о подвигах и захватывающей службе. И всё бы у него шло хорошо, не случись той засады...

О служивых людях, думаю, можно сказать словами Льва Толстого: все

счастливые военные похожи друг на друга, каждый несчастливый несчастлив по-своему. Дениса Гомозова трудно назвать несчастным. Он весел и открыт, шутит, смеётся, рассказывая о своей жизни. Можно только догадываться, каких сил стоит ему вот так игриво держаться, бороться с недугами, полученными на войне, и продолжать служить, не показывая слабину перед своими товарищами. Временами он

эмоционален и бесшабашен, особенно в поисках правды и справедливости. В то же время готов признавать ошибки и нести ответственность за свои, порой импульсивные поступки. Он умеет быть честным, как подобает настоящему офицеру. А самое главное – стремится быть полезным Родине и войскам, которые для него стали настоящей семьёй.

Вот, в общем-то, типичный порт-

рет разведчика – человека романтической профессии, в судьбе которого на самом деле не так уж много романтики.

— Наша фамилия происходит от слова “гомозить”, то есть

не сидеть без дела, — объясняет Денис. — Мой дед, Геннадий Антонович Гомозов, всю жизнь посвятил внутренним войскам. Василий Васильевич, другой дед — ветеран первых десантных рот, рассказывал, как во время Великой Отечественной десантировался с дирижабля. Отец — полковник, служил в конвойных частях в Казахстане, затем — в специальных моторизованных воинских частях в Москве, после столицы — в благодарненском оперативном полку, воевал в Чечне. Мама тоже всегда носила форму, была рядом с отцом.

Дома у нас царил железная дисциплина. Авторитет отца был непреклонен — приходилось чуть ли не строевым шагом к нему подходить, чтобы обратиться. Если идёшь гулять, то папа даёт “увольнительную”: на улице находиться строго до 21.00. Возвращение в 21.01 уже опоздание, за которое обязательно будешь наказан: неделю никаких прогулок. И, конечно, с детства приучали к порядку — все вещи должны лежать на своём месте, вплоть до того, что тарелки полагалось выставлять в ровный ряд по размеру... Словом, в суворовском училище я отдыхал от домашней муштры.

Стать военным захотелось не только по примеру родителей. Будучи подростком, познакомился с отцом Леонидом, священником станичного храма в Краснодарском крае. До рукоположения в сан он воевал в Чечне и Абхазии. Мысль о Тверском суворовском подсказал именно он. В станице Родниковской я жил у бабушки и деда, пока родители служили в Благодарном. Дед Василий — тот самый, что в молодости десантировался с дирижаблей — работал в сельсовете и был инициатором восстановления сельской церкви. В храм я стал ходить вначале с дедом. Со временем отец Леонид предложил мне попробовать себя в качестве пономаря. После школы я быстро делал уроки, а потом бежал в храм, надевал церковное облачение и помогал батюшке: разжигал кадило, читал псалмы. Считаю, что именно

эта близость к Богу, которая возникла ещё в отрочестве, и помогла мне чудом остаться в живых.

Мечта о службе в разведке появилась уже в суворовском училище. Да и как было не вдохновиться примерами командиров, которые прошли и Афган, и Чечню. Решил поступать в Московское высшее общевойсковое командное училище. Уже на первом курсе стал командиром отделения, а потом и заместителем командира взвода. Учился на “отлично”, часто ставили в пример курсантам и, видимо, подхватил я на этой почве звёздную болезнь. Не знаю, что нам тогда взбрело в голову, но вместе с двумя товарищами мы ушли в самоволку. И попались. По наивности думал, что лишат меня звания, снимут с должности, но учиться оставят: всё-таки прежде был в почёте. Но мои надежды рухнули разом, когда все члены аттестационной комиссии единодушно проголосовали за моё отчисление.

Сам виноват — самому и ответ держать. Единственное, о чём тогда попросил у командования — сдать экзамены за первый курс, чтобы после возвращения со срочной восстановиться

в училище.

Солдатская дорога привела меня в Нижегородскую область в мотострелковый полк Минобороны. Назначили старшиной ремонтной роты. А через год я вновь стоял на пороге родного училища с документами на восстановление.

— Ну, заходи-заходи, Гомозов. Ума набрался на срочной службе? — потечески строго, но не сердито спросил начальник училища генерал Епишин.

— Товарищ генерал, я оправдую ваше доверие и теперь уж точно не подведу!

— Ну давай. Я в тебя верю, — заключил генерал и вызвал офицера из отдела кадров.

Через три года, на выпуске я подошёл к генералу с новеньким дипломом в бордовом переплёте:

— Товарищ генерал, как и обещал — красный!

— Молодец, лейтенант! Я в тебе не ошибся.

Предметом моей особой гордости стали часы, подаренные начальником Генерального штаба. На четвёртом курсе проводились показательные занятия

с руководящим составом Минобороны. Мы, курсанты, демонстрировали тактику действий в штурмовых двойках и тройках. По окончании занятия генерал Квашнин лично подошёл к моему отделению и поблагодарил за качественную работу.

Командир роты капитан Запивахин уговаривал меня остаться служить в училище, но мне-то хотелось в разведку, в боевую часть, на Северный Кавказ!

— Есть место в чучковской бригаде ГРУ, — сказал тогда ротный. — Бригада боевая, постоянно в командировках. Мой товарищ Юра Заславский там служил, пока не погубил.

Я загорелся: спецназ ГРУ — это же элита! Как раз то, о чём я так мечтал. Мысли о гибели или ранении даже не приходили в голову. Казалось, меня это никогда не коснётся...

Молодых офицеров в бригаду набирали в основном из выпускников Рязанского десантного училища и с факультета спецразведки Новосибирского ВОВУ. Меня, хитовца, поначалу встретили с недоверием. Но после сдачи нормативов по физподготовке отношение изменилось.

От своих сослуживцев я старался ни в чём не отставать. Пробелы в спецподготовке восполнял с помощью старших офицеров, которые давали книги, разъясняли особенности и специфику служебно-боевой деятельности спецназа Главного разведывательного Генштаба в разных регионах. И даже поучился на курсах усовершенствования.

— Ты, смотрю, парень толковый,

давай в штаб тебя переведём, там грамотные офицеры нужны, — настойчиво предлагал начальник отдела кадров. Но я был категорически против: хотелось в командировку, к которой как раз готовились наш батальон.

— Тебе решать, — развёл руками кадровик. — Но смотри, как бы потом локти кусать не пришлось.

4 апреля 2006 года я убыл в командировку в Чечню. Днём раньше жена родила дочку Машу. В роддоме, объяснив все обстоятельства, я уговорил врачей, чтобы мне дали поддержку на руках кроху, которой не исполнилось ещё и дня...

Три месяца в горах пролетели быстро: каждый день — разведыводы, работа в составе воздушной пехоты штурмовых групп, выезды на боевые...

Однажды в ночь перед выходом на задачу одолела бессонница. Я вышел из своей палатки и направился на ЦБУ к оперативному дежурному.

— Чего бродишь, не спишь?

— Предчувствие какое-то у меня. Наверное, вернёмся с хорошим результатом, — поделился я своими мыслями.

— Э, брат, плохое это чувство. Видишь, часы на моей руке? Парень, который их раньше носил, тоже чувал, что результат будет. В итоге — ни результата, ни парня. Так что ты с этими предчувствиями поосторожнее...

Пять суток мы шагали по горным

тропам. Днём отдыхали, ночью шли. Искли место вероятного сбора боевиков на шуру. Всё впустую: ни баз, ни бандитов, ни даже следов их не обнаружили. Отведённое на поиск время подходило к концу. На полдень была запланирована эвакуация групп из района сбора. Меня тогда удивил шаблонный подход командиров: эвакуацию всегда назначали на одно и то же время, в одной и той же точке. А ведь боевики тоже не лыком шиты — изучают нашу тактику, принимают грамотные контрмеры.

В лесном массиве недалеко от дороги ввосью шла погрузка в бронированные «Уралы», когда по грунтовке в прогале между деревьями прошмыгнула юркая «копейка». Неудобный это был знак, но думать о плохом не хотелось: мысли о завершении выхода, скором возвращении на базу, натопленной бане и чистом белье заглушали тревогу.

Я ехал в кабине первого «Урала». Обычно колонна, забирившая спецназцев с задачи, засажала в район эвакуации с одной стороны, а выезжала с другой, чтобы дважды не светиться в одном и том же месте. На этот раз техника выехала с точки сбора тем же маршрутом, что и прибыла туда. Это был уже второй прокол за день.

БТР, что шёл впереди колонны, тягело переваливался на ухабах.

— Чего он еле тянет? — спрашиваю у водителя.

— Да у него гидроусилитель полетел.

— А что, исправных бэтэзоров на базе не осталось?

— Нет, все ушли на Ханкалу сопровождать колонну с металлоломом...

Мы проезжали мимо заброшенного консервного завода, когда бронетранспортёр подпрыгнул и задымился, тяжело просев на колёсах. Это было попадание из гранатомёта. Водитель «Урала» мигом выскочил из кабины, а у меня перед глазами всё потухло...

В себя я пришёл, когда «кино» было в самом разгаре. Запах пороха, кровь из носа... Вываливаясь из машины в кювет и ору:

— Группа, к бою!

Надо было пробираться в БТР, к ротному, спасать командира и постараться сбить боевиков с позиций, пробравшись на ту сторону дороги, откуда они вели огонь. На противополо-

ложную выходить было опасно: она обычно минируется в расчёте на то, что попавшие в засаду именно туда и двинутся.

По всем законам военной науки нам надо было иметь как минимум тройное превосходство в живой силе, чтобы, атаковав врага на закрытых позициях, одержать верх в том бою. Но, как выяснилось позже, нас и боевиков было тогда примерно поровну.

В тот же день на одном из экстремистских сайтов было выложено свежее видео «Удар моджахедов по кафирам». Перед боем бородастые боевики, среди которых имелись и арабы, усердно молятся, возносают руки к небу. Потом истошные вопли «Аллах акбар!» — и начинается перестрелка: лупит из автоматов, работает гранатомёт. Уже потом только в нашем «Урале» ребята насчитают девять осколков гранатомётных выстрелов...

Когда мы приблизились к позициям противника, «духи», бросив свои рюкзаки, стали отходить. Один из эпизодов видеосъёмки, сделанный прикреплённым к снаряжению бандита мобильным телефоном, запечатлел момент, когда его хозяин бежит по высокой сырой траве. Слышно, как он тяжело дышит, как меняет магазин и что-то бормочет себе под нос. Видимо, сокрушается, что операция пошла не так, как планировалось, и колонну не удалось раздолбить до конца.

Стрельба уже стала затихать, когда я получил удар в голову и вновь отключился. Потом сквозь пелену стали проступать лица бойцов, склонившихся надо мной:

— Командир, командир!

Помню, спросил в ответ:

— Где мой автомат? — затем перевёлся на живот, лёг на свой «калаш» и сжал в каждой руке по гранате — на тот случай, если «духи» приблизятся. И в этот момент пальцы словно обожгло — вспомнил, как держал ими свою маленькую дочку...

Иду по госпитальному коридору в больничной пижаме. Смотрю, на стульях вдоль стены сидят мои бойцы — в разгрузках, с рюкзаками. С ними старший лейтенант Соболев, он в колонне ехал во втором «Урале».

— Феликс, — спрашиваю, — кого ждёте?

— Тебя, командир.

— Не ждите, — отвечаю. — Видите,

меня в госпиталь положили. Комбата скажи, чтобы передал продаттестат и удостоверение. Всё, не могу больше с вами разговаривать, голова кружится, пойду лягу.

Эта «встреча» состоялась в один из тех тринадцати дней, что я находился в коме. А спустя несколько недель после возвращения сознания встретил в госпитале своего сослуживца, передвигавшегося на костылях: у парня не было ноги. Стали вспоминать общих знакомых. Он одного за другим называл погибших в том бою. А мне становилось не по себе: это были как раз те ребята, которые приходили в госпиталь в полной экипировке, сидели и ждали, когда я к ним присоединюсь...

После ранения меня должны были комиссовать. Но жизни без службы я не представлял. На моё счастье командование оказалось бла-

руки.

У меня получилось, в меня поверили и дали возможность продолжить службу. В центре специального назначения ОДОНа нашли интересную должность, связанную с аналитической работой, и я вновь почувствовал себя нужным и востребованным. Да и потрапанное здоровье в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск существенно поправили...

Память — удивительная штука. Она снова и снова возвращает Дениса в тот июльский день, когда их подразделение попало в засаду, потеряв 7 человек убитыми и 23 ранеными.

Теперь он точно знает: на войне не страшно — страшно после войны. Юношам, у которых на плечах лежат суворовские или курсантские погоны, грезятся неутраченные герои в банде-

госклонным и, несмотря на серьёзные проблемы со здоровьем, предложило мне занять должность заместителя начальника штаба в отряде спецназа.

В этой должности я успел съездить в командировку в Абхазию в августе 2008 года. Потом бригаду стало трасти от проводимых реформ: пришли новые штаты, в командировки ездить перестали, боеприпасов на учебные стрельбы выделяли всё меньше и меньше. И я решил пробираться в воюющие войска — в спецназ или разведку внутренних войск, которые не испытывали недостатка в боевых задачах и не сидели сложа

нах и разгрузках, слышится мощный рёв надёжных боевых машин, представляются начиненные до блеска боевые награды. Мысли о шрамах и рубцах, оставшихся на теле после пуль и осколков, об инвалидной коляске, которую по дорожкам госпитального сквера толкает посидевшая от горя мать, даже не приходят им в голову.

Денис прошёл и через это. А пройди, понял: иной судьбы, кроме судьбы военного разведчика, он себе не жа-

Старший лейтенант
Юлия АФАНАСЬЕВА

9 ноября исполняется 30 лет отдельному батальону, личный состав которого выполняет задачи по охране важных государственных объектов в Подмосковье. О буднях военнослужащих, которым доверено охранять ядерные секреты страны и новейшие научные разработки в этой области, их заботах и проблемах мы рассказываем читателям журнала.

ХРАНИТЕЛИ НАУКОГРАДА

“РЯДОВОЕ” ЗАДЕРЖАНИЕ

Сигнал из караула войсковой комендатуры поступил дежурному по батальону ровно в девять утра: на автоКПП объекта задержан автомобиль, на котором пытались вывезти материальные ценности.

— Ну вот, попили кофе, — с досадой произнёс майор Щученко, глядя на закипающий чайник. В голосе офицера я уловил не только сожаление, но и весёлый азарт охотника. Так бывает, когда соберёшься сделать привал в лесу, но неожиданно лай гончей, поднявшей с лёжки зайца, заставляет тебя забыть о голоде и усталости...

Такое же чувство посетило в этот момент и меня. В то утро я только-только прибыл в часть, представился комбату подполковнику Александру Полякову и сел уточнять план своей работы с его заместителем майором Евгением Щученко. А заодно и взбодриться с дороги ароматным кофе. Но сообщение из караула разом отбило аппетит и все остальные желания, кроме одного: немедленно мчаться вместе с ДОРСом на место происшествия.

К нашему приезду там уже находились представители службы безопасности предприятия и комендант 2-й войсковой комендатуры старший лейтенант Артур Бадалян. Он и доложил подробности: к КПП подъехала машина, гружённая мебелью. Часовой прапорщик Ирина Голенкова досмотрела транспорт, скрупулёзно сверила инвентарные номера, указанные в материальном пропуске, подпись, печать. Всё было в порядке. Когда же Ирина Евгеньевна глянула на номер автомобиля, то заметила, что он не совпадал с указанным в документах на вывоз.

— Да всё в порядке! Просто та лайба сегодня что-то забарахлила, вот и решили везти на этой, — убеждал режимников экспедитор.

— А почему не переоформили материальный пропуск?

— Как-то не подумал. Да и вообще, не всё ли равно, на какой машине везти? Главное, что всё до последней деревяшки внесено в опись и санкционировано начальством.

— Что ж, разберёмся. А пока — поворачивайте обратно!

— Спасибо за службу, Ирина Евгеньевна! — поблагодарил Щученко прапорщика Голенкову, как только машина скрылась за углом здания. И тут же, обращаясь к коменданту, распорядился: — Артур Гамлетович, готовьте документы на поощрение.

Признаться, сначала я был разочарован. Пока на батальонном “уазике” мы ехали на объект, воображение рисовало привычную картину, не раз виденную, когда сам служил контролёром в отдельной бригаде по охране ВГО: нелепо оправдывающийся или просто понуро молчаливый расхититель в окружении начальника караула и сотрудников службы безопасности объекта. А тут — всего лишь обычная безалаберность...

— Да, безалаберность, — согласился майор Щученко. — Да и хищений, равно как и их попыток, на объекте у нас вот уже несколько лет не происходит. А вот такие мелкие огрехи, как, например, ошибка в описи груза, описка в инвентарном номере или не переоформленный на другую машину материальный пропуск, частенько случаются. Может, это действительно обычная невнимательность сотрудников, а может...

— Бдительность проверяют? — предположил я.

— Ну в этом мы на сто процентов не уверены, но такой вариант не исключён, — пожал плечами Евгений Владимирович. — Тем более, в других частях подобные прецеденты были. Сейчас ведь расхитители стали умные: сначала прощупают систему охраны и бдительность часовых, вычисляют какого-нибудь не слишком внимательного военного и только тогда уже решаются на настоящую кражу...

ПРИКАЗАНО ЗАСТУПИТЬ

История этой воинской части, входящей в дивизию по охране важ-

ных государственных объектов Центрального регионального командования, неразрывно связана с историей закрытого наукограда, расположенного в сотне с небольшим километров от Первопрестольной. Началась она в далёком 1948 году, когда среди болот и топей на границе Московской и Тверской областей развернулось строительство Гидротехнической лаборатории. Там был запущен первый ускоритель элементарных частиц современной Лаборатории ядерных проблем. В марте 1949 года при дивизии, входящей в состав специального отделения Управления войск МВД, была сформирована рота “М” для обеспечения охраны, обороны и соблюдения режима секретности при сооружении по тем временам мощнейшего протонного синхротрона и научных исследованиях, проводящихся в области ядерной физики.

Вначале охрану объекта осуществляли солдаты срочной службы, но спустя пять лет, в 1954 году, была сформирована специальная комендатура, состоящая только из сверхсрочных военнослужащих. Первым её комендантом был назначен подполковник Василий Дмитриевич Милосердов.

К тому времени закончилось строительство и другого, ещё более мощного ускорителя элементарных частиц — синхрофазотрона. Вместе с возведением научных корпусов росло население посёлка и увеличивался объём задач, возлагавшихся на комендатуру.

К середине 1950-х годов в мире пришли к пониманию, что ядерная наука не должна замыкаться в засек-

Подведение итогов за день

реченных лабораториях и что только широкое сотрудничество может обеспечить поступательное развитие этой области фундаментальной науки, равно как и мирное использование атомной энергии. Поэтому 26 марта 1956 года на базе лаборатории создаётся Объединённый институт ядерных исследований, куда вошли полномочные представители двенадцати стран социалистического содружества. Широкое международное сотрудничество позволило институту даже в напряжённый период холодной войны поддерживать плодотворные научные контакты практически со всеми мировыми лабораториями, занимающимися аналогичными проблемами.

Помимо института тогда же здесь был возведён секретный оборонный завод с опытным конструкторским бюро. На протяжении почти тридцати лет его охрану осуществляли стрелки ВОХР, набранные преимущественно из пенсионеров. Но после реализации на предприятии дополнительных секретных программ его безопасность стал обеспечивать отдельный батальон

внутренних войск, созданный приказом министра внутренних дел СССР от 9 ноября 1981 года. Первым его командиром стал полковник Георгий Шербина. В скором времени в его состав вошла и отдельная спецкомендатура.

СПРАВЕДЛИВАЯ ОЦЕНКА

Да, кажется, это было вчера, хотя с того времени, как первые часовые контролёры встали на периметре и КПП закрытого наукограда, прошло три десятка лет. Как же обстоят дела сегодня? Это был первый вопрос, который я задал исполняющему обязанности директора Объединённого института ядерных исследований профессору Михаилу Иткису.

— Достойно, — ответил Михаил Григорьевич. — Именно достойно — вот, наверное, самая точная оценка служебно-боевой деятельности офицеров, прапорщиков и контрактников, охраняющих наш центр. Только один пример: экономическая эффективность боевой службы батальона, — профессор благодарно кивнул в сторону находящегося тут же подполковника Полякова, — только в прошлом году составила два миллиона четыреста тысяч рублей. Иными словами, как минимум

столько могло недосчитаться наше государство, если бы не бдительность и добросовестность наших военнослужащих.

При последних словах я невольно улыбнулся.

— Нет-нет, я не оговорился, именно наших военнослужащих, — повторил профессор Иткис, словно прочтя мои мысли. — Да, мы подчиняемся разным ведомствам, и задачи у научного центра и воинской части разные. Но тем не менее делаем общее дело и работаем, как говорят альпинисты, в одной связке.

Знаете, я могу сказать много добрых слов о нашем батальоне, привести множество примеров бдительности, добросовестности, самоотверженности офицеров, прапорщиков и контрактников. Но, думаю, самый главный результат их службы — отсутствие случаев проникновения на объекты, хищений оборудования и прочих материальных ценностей. В отличие от смутных давностей.

— А что, тогда воровали?

— Ещё как! Тащили всё подряд: от дорогостоящей секретной аппаратуры до медной проволоки. Караульные только успевали ловить воров да передавать их режимникам и компетентным органам. И попытки проникновения на объект были... Но

со временем и воришки, и охотники за государственными тайнами поняли, что охрана у нас надёжная, испытывать судьбу — себе дороже станет. Так что, как я уже говорил, работаем сообща. Ну и помогаем, конечно, чем можем нашим хранителям. Например, в ближайшее время будем строить новое здание для штаба батальона. Плюс к этому решаем вопрос о выделении средств на закупку современных бронежилетов и других средств защиты для личного состава. Кроме того, планируем приобрести для нужд подразделения новый автотранспорт. И вообще, де руководства института самым радостным известием стало то, что вопреки ходившим слухам части по охране важных государственных объектов внутренние войска сокращать не собираются. И это правильно. Лично я не могу представить какую-либо другую охрану нашего научного центра.

Наверное, эти последние слова и были самой главной оценкой деятельности батальона.

МИЛЛИОН ДВЕСТИ ТЫСЯЧ ЗА ТРИ МИНУТЫ

Подъехавший к воротам автомобиля был знакомым, институтским. Знакомы были и водитель с экспедитором: они часто перевозили с объекта на объект ценные грузы.

Вот и в этот раз шофёр заглушил двигатель, представив машину к осмотру, а ответственный за груз, предъявив материальный пропуск и накладную, приготовился терпеливо ждать, пока часовой сверит номера вывозимой аппаратуры с указанными в документах. Ближайшие семьдесят минут можно было не торопиться: на этот раз на посту несла службу красивая, но дотошная и на редкость бдительная женщина-контролёр.

Однако проверка закончилась от силы минуты через три. Точнее, прервалась. Последовал вызов начальника караула, коменданта, ответственного по батальону и службы безопасности НИИ: часовой прапорщик Елена Кукина заметила неточность в документации на вывоз. Причём настолько мелкую, что её трудно было обнаружить вообще. Однако природная скрупулёзность и натренированная за время службы зрительная память позволили Елене Анатольевне заметить ничтожное несоответствие образцу в оформлении материального про-

Исполняющий обязанности директора Международного центра ядерных исследований профессор Михаил Иткис и командир батальона подполковник Александр Поляков

пуска.

Что это было — попытка хищения дорогостоящей аппаратуры, обычная халатность или очередная проверка контролёра войсковой комендатуры по охране НИИ — разбираться режимникам. Но уже через пару часов стало известно, что стоимость груза, который пытались вывезти с территории объекта, миллион двести тысяч рублей. Именно такую баснословную сумму всего за три минуты внесла в экономическую эффективность боевой службы родного подразделения прапорщик Кукина.

— Это, кстати, не единственный случай за последнее время, — отметил подполковник Поляков. — Совсем недавно в соседней комендатуре отличился контролёр прапорщик Александр Таллеров, не позволив незаконно вывезти с территории охраняемого объекта компрессор стоимостью в триста сорок тысяч рублей. А уж пресечения хищений на более мелкие суммы происходят куда чаще. Да ещё триста двадцать четыре нарушителя пропускного режима, которых за прошлый год выловили наши часовые.

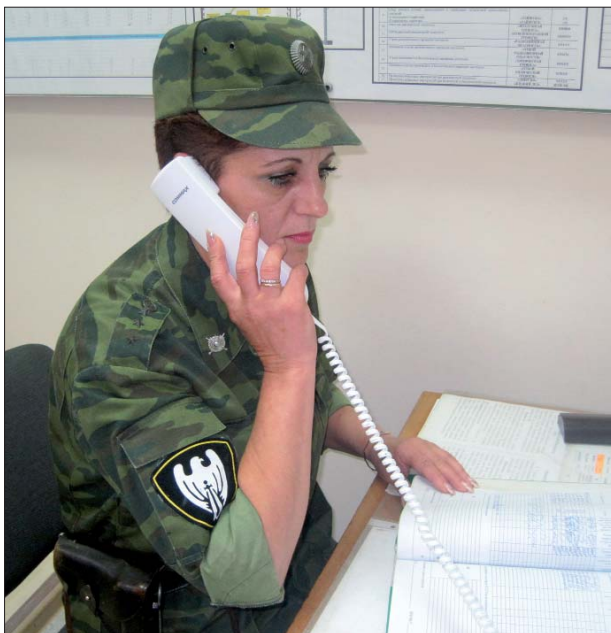
Продвигу усмешки некоторых скептиков: мол, тоже мне, подвиг, выявить сотрудника с просроченным пропуском или не дать умыкнуть из НИИ пару досок. То ли дело уничтожить в горах боевика-террориста! Так наверняка думают люди, незнающие со спецификой службы частей по охране ВГО. Да и сам автор этих строк размышлял бы точно так же, если в своё время не прослужил

пять лет именно в таких частях.

Представьте, уважаемые читатели, что вам предстоит простоять двенадцать часов крыду на КПП засекреченного НИИ или ещё какого-нибудь режимного предприятия, через который каждое утро проходит как минимум две-три тысячи человек. Снуют туда-сюда. От силы через полчаса у вас будет рябить в глазах, а глянцевые прямоугольные пропуска сольются в одно светлое пятно с серой кляксой справа — фотографией. Сможете ли вы из нескольких тысяч человек выявить нарушителя?

Конечно, всё это приходит не сразу, а в процессе долгой учёбы и постоянных тренировок. Здесь до автоматизма оттачиваются многие навыки, и в первую очередь — зрительная память. Но самое главное, чтобы пришедший в подразделение новичок сам загорелся желанием усвоить всю здешнюю мудрёную и порой утомительную науку. А это уже во многом зависит от командиров-наставников, от их умения заинтересовать, увлечь стажёра.

Одним из таких наставников от Бога в подразделении считают коменданта отдельной комендатуры майора Сергея Булатова и командира взвода старшего прапорщика Людмилу Сиваченко. Они не просто профессионалы высокого класса, но и люди с редким педагогическим да-

Старший прапорщик
Людмила Сиваченко

ром. И у Сергея Ивановича, и у Людмилы Петровны огромный опыт работы с людьми, создания в коллективе тёплой, доброжелательной атмосферы, а кроме того, своя особенная методика организации занятий с подчинёнными.

Под стать им и сослуживцы: комендант 1-й войсковой комендатуры майор Александр Лебедев, заместители коменданта капитаны Александр Гавриловский и Владимир Лоскутов, командиры взводов старшие прапорщики Александр Камнев, Александр Филимонов, их помощники старший прапорщик Алексей Горячев, прапорщики Елена Асафьева, Ирина Мельник. И этот список можно продолжать довольно долго.

“СЧАСТЬЕ СЛУЖИТЬ, КОГДА ЕСТЬ... НА ЧТО ЖИТЬ”

Наверное, на этом можно было и закончить рассказ об отдельном батальоне, охраняющем закрытый на-

укоград. Ну разве добавить, что за добросовестную службу руководство охраняемых объектов платит своим хранителям той же монетой: регулярно поощряет денежными премиями и ценными подарками отличившихся. В день части, в День защитника Отечества, День внутренних войск и другие праздники для офицеров, прапорщиков, контрактников батальона и членов их семей в городском Доме культуры устраиваются концерты с участием известных артистов российской эстрады. Для охраняющих наукоград военных, когда они заступают на службу, организовано бесплатное питание в столовых объекта. Да ещё какое! Отведая здешний обед, я был поражён выбором и качеством блюд, не уступающим солидным столичным ресторанам. В общем, куда ни глянь – один сплошной позитив. Но завершить рассказ на этой пафосной и оптимистичной ноте было бы не совсем честно.

...Этого росло, с военной выправкой парня я заметил неподалёку от КПП батальона. Он о чём-то разговаривал со сменившимися из караула военнослужащими, время от времени поглядывая с тоской за забор части. Как оказалось, совсем недавно

молодой человек, отслужив в подразделении пять лет, уволился по окончании контракта.

Новый знакомый просил не называть его имени, поскольку, как выразился сам бывший контролёр, ему отчасти стыдно, что он не продлил контракт, ушёл из войск на вольные хлеба. Уволился, хотя и командование, и сослуживцы уговаривали остаться: прапорщик был на хорошем счету и зарекомендовал себя честным и толковым служакой. Да и сам он очень не хотел снимать погоны...

– Здесь, в батальоне, я чувствовал себя на своём месте. Кроме того, служил не где-нибудь, а в родном городе. Согласитесь, это большой плюс, когда и родные, и друзья детства рядом, когда до работы десять минут неспешного хода. Да и сама служба мне нравилась, а уж коллектив... Без преувеличения скажу – золотые люди! Вот потому, уйдя на гражданку, порой чувствую себя чуть ли не дезертиром.

Почему уволился? Причина банальная – не хватает служивым людям зарплаты, чтобы нормально жить в закрытом городе. Вы бывали в местных магазинах? Цены выше, чем в Москве! Потому как у нас градообразующее предприятие – Международный научный центр с НИИ и оборонным производством. Практически все жители нашего города трудятся именно там и получают солидные деньги. Соответственно и торгашки задирают цены. И ничего тут не попишешь – закон рынка!

Сам я человек неприхотливый, могу на зарплату прапорщика прожить. Один могу, а вот семью содержать... На что прикажете детей одевать-обувать? Особенно когда за квартиру отдаёшь добрую треть денежного содержания.

Вот ради семьи и вынужден был уйти из войск. Устроился в городе по своей, ещё доармейской специальности, с баснословной, по сравнению с прежней, военной, зарплатой. Вроде бы нужно радоваться: в семье появился долгожданный достаток, на новой работе народ подобрался хороший, начальство ценит, уважает... Вот только такого замечательного коллектива, что был в нашей комендатуре, вряд ли где найдёшь...

НАДЕЖДА – НА БУДУЩУЮ ГРЕДУ

– Да, к сожалению, случается и такое, – выслушав мой рассказ, грустно

произнесла заместитель начальника штаба батальона по строевой части и кадрам капитан Ирина Кихаева. – Порой уходят от нас толковые и добросовестные военнослужащие. Увольняются и те, кто дослужился до пенсии, но мог бы ещё служить и служить, учить молодых... Нет, – предупредила мой вопрос Ирина Валерьевна. – Недостатка в кадрах мы не испытываем. Призываем жителей соседнего райцентра, который находится в двадцати пяти километрах от нашего города. На данный момент часть укомплектована почти на девяносто пять процентов, и работа продолжается. Тем более что в соседней области пока ещё существует безработица, а цены куда ниже, чем в нашем наукограде. Так что тамошний народ на службу стремится, есть из кого выбирать...

Хоть и закончила начальник строевой части на оптимистической ноте, но всё же в голосе Ирины Валерьевны сквозило сожаление. Уходя-то из войск в поисках лучшей доли люди опытные, умудрённые жизнью и службой. А на смену им идут юнцы необученные.

В те дни в наукограде встретился я с заместителем начальника штаба соединения полковником Юрием Сергеевым, приехавшим в батальон на плановую проверку. Знакомы мы уже пятнадцать лет, с тех пор, когда Юрий Александрович возглавлял одну из спецкомендатур, а автор этих строк служил контролёром в соседней.

– Проблема действительно есть, – вздохнул полковник Сергеев, ког-

Капитан Ирина Кихаева

да я поведал ему о своём разговоре с уволившимся прапорщиком и капитаном Кихаевой. – Ты вспомни, раньше к нашей невеликой зарплате ещё и льготы прилагались: бесплатный проезд на городском и пригородном транспорте, пятидесятипроцентная скидка на оплату квартиры и коммунальных услуг, раз в год оплачиваемый проезд к месту отдыха вместе с семьёй. Экономия существенная выходила. Вот потому многие и выбирали карьеру военного.

Теперь же большинство этих льгот канули в Лету, а денежное довольствие хоть и относительно высокое и выплачивается регулярно, но нынче здесь, в наукограде, люди у

нас после службы не остаются: если они устроятся на то же опытное производство, освою за полгода специальность, то будут получать как минимум в два раза больше, чем зарплата контролёра войсковой комендатуры.

К счастью, эта проблема наконец-то начала решаться. С будущего года, как обещает нам правительство, денежное довольствие будет существенно повышено и обеспечит достойное существование семьям наших военнослужащих. В том числе и тут, в наукограде. В общем, – заключил полковник, – хочется, чтобы оправдались все наши надежды...

Возможно, рассказ о батальоне получился недостаточно праздничным – много сказано о проблемах. Хотя, с другой стороны, кто знает, когда ещё будет возможность написать о том, чем живёт сегодня часть по охране закрытого наукограда.

А самое главное, что эти проблемы несколько не умаляют заслуг офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат, которые, несмотря ни на что, служат достойно, не ропща и не жалуясь на судьбу. ★

Майор
Константин АЛЕКСЕЕВ

ГОРЯЧИЙ НОЯБРЬ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОГО

О венгерских событиях 1956 года – попытке изменения государственного строя, едва не вылившейся в гражданскую войну, – и в советские-то времена вспоминали с большой неохотой. А ныне этот исторический эпизод, в котором одну из главных ролей выпало сыграть советским солдатам и офицерам, и вовсе предан забвению в нашей стране. Немудрено, что информацию об участии частей и подразделений внутренних войск МВД СССР в восстановлении законности и порядка на территории Венгерской Народной Республики приходится собирать буквально по крупицам. Тем ценнее каждый рассекреченный, появившийся в печати или найденный в архиве документ, каждая фотография, проливающие свет на события полувекковой давности.

БОЙ НА ГРАНИЦЕ

Осенью 1956 года в столице Венгрии творилась такая кровавая вакханалия, что даже по прошествии полувека при взгляде на фотографии, запечатлевшие события тех дней, нормального человека берёт оторопь. Повстанцы проявляли невероятную жестокость в отношении тех, кто служил «врагам независимой Венгрии».

Охота за госслужащими, партийными работниками, офицерами силовых ведомств началась уже в первые часы восстания. Наиболее жуткая расправа ожидала сотрудников службы национальной безопасности и народной полиции. Их истребляли сот-

нями, с нечеловеческой жестокостью и без всякой пощады: расстреливали на улицах без суда, забивали насмерть, вешали на площадях, топили в канализационных и водопроводных колодцах. 40 офицеров полиции были заживо замурованы в нишах подземных галерей Будапешта! Кровавым расправам подвергались даже люди, походя и голословно объявленные сочувствующими существующей власти. Разъярённые толпы зачастую глумились даже над обезображенными трупами.

Чтобы прекратить эту кровавую оргию, подпитывавшуюся финансами и оружием из-за границы, Совет-

ский Союз и ввёл на территорию ВНР дополнительные воинские контингенты. Его командование получило приказ активно включиться в подавление мятежа...

В первой половине ноября подразделения львовского 12-го мотострелкового отряда внутренней охраны МВД Украинской ССР оказались в Будапеште и прилегающих к нему районах, где приступили к выполнению задач по ликвидации отдельных вооружённых групп путчистов, розыску, задержанию и конвоированию наиболее опасных участников мятежа. Кроме этого они взяли под охрану несколько особо важных государ-

ственных объектов и самых ответственных участков границы Венгерской Народной Республики с Австрией.

Некоторые подробности событий тех дней раскрывают донесения временно исполняющего обязанности командира 12-го мотострелкового Рымникского ордена Богдана Хмельницкого отряда внутренней охраны МВД СССР подполковника Щербакова, отправленные на имя начальника Управления внутренней и конвойной охраны МВД СССР генерал-майора Наумова.

В одном из них говорится следующее: «Войсковая группа 5-й команды отряда в количестве 15 человек с тремя оперативными работниками и переводчиком 11 ноября 1956 года выехала на погранзаставу Хедьешалом. По прибытии на место был установлен контакт с венгерскими пограничниками, разработан план использования группы в охране границы.

22 ноября около полуночи бандгруппа в количестве 45 человек, вооружённых автоматами, внезапно напала на заставу, имея целью уничтожить военнослужащих, пограничников, захватить оружие и документы заставы.

По оперативной информации, бандитов возглавлял бывший начальник этой же погранзаставы, который, будучи завербованным иностранной разведкой, в дни мятежа изменил своей родине и скрылся на территории Австрии, уведя с собой нескольких пограничников.

При отражении нападения командир войсковой группы 12-го отряда старший лейтенант Гильматдинов принял на себя командование оборонной заставы, приказав её начальнику с десятью пограничниками и станковым пулемётом выйти оврагом в тыл нападавшим, а остальному личному составу – открыть по бандитам огонь из всех видов оружия.

Бандгруппа, встретив сильный огонь гарнизона заставы, стала успешно отходить на австрийскую территорию, оставляя раненых. Среди раненых бандитов оказались трое бывших венгерских пограничников – изменников своей родины. Всего в ходе боя ранено и захвачено в плен 7 мятежников, также захвачено 7 автоматов, 2 пистолета, 14 гранат, больше 200 патронов».

Следует отметить, что среди солдат и офицеров советских внутренних войск и венгерских пограничников, оставшихся верными присяге, потерь в том бою не было.

ЗАХВАТ ГЛАВАРЯ МЯТЕЖНИКОВ

Среди рассекреченных документов Центрального архива ФСБ России и Российского Государственного военного архива удалось отыскать один поистине уникальный. Он не только напрямую свидетельствует о том, что Имре Надь – человек, стоявший во главе венгерских мятежников, был захвачен именно военнослужащими советских внутренних войск, но и содержит подробности этой операции, долгое время остававшиеся неизвестными широкому кругу историков.

Слово непосредственному участнику событий подполковнику Щербакову: «6-я команда 12-го отряда внутренней охраны с 17 по 22 ноября участвовала в операции по обеспечению выполнения очень важной задачи – задержания организаторов мятежа и разыскиваемых лиц, укрывавшихся в одном из иностранных посольств, аккредитованных в Будапеште».

Здесь следует сделать пояснение. Сразу после того, как 4 ноября советские войска установили контроль над венгерской столицей, лица, стоявшие во главе мятежников, укрылись в югославском посольстве. Выбор убежища был не случайным: с конца 1940-х отношения между Советским Союзом и Социалистической Федеративной Республикой Югославия, возглавляемой маршалом Иосипом Броз Тито, были, мягко говоря, натянутыми. Поэтому заговорщики вполне резонно надеялись, что югославы их не выдадут. Хотя и бесконечно долго пользоваться дипломатической крышей, после всего того, что их сторонники творили на улицах Будапеш-

та, главаря путча не могли. Но вернёмся к событиям ноября пятьдесят шестого.

«6-й команде, – говорится далее в отчёте подполковника Щербакова, – была поставлена задача во взаимодействии с четырьмя бронетранспортёрами, 12 сотрудниками венгерской полиции и четырьмя оперработниками незаметно блокировать здания посольства со всех сторон, а при попытке выхода или выезда из посольства разыскиваемых лиц задержать их и доставить военному коменданту советских войск в Будапеште. Приметы разыскиваемых лиц были сообщены всему личному составу команды.

При блокировании зданий посольства для маскировки своих действий военнослужащие, задействованные в операции, воспользовались тем обстоятельством, что Будапешт находился на военном положении и на многих улицах города, в том числе и тех, где размещались иностранные посольства, патрулировали советские танки, бронетранспортёры, совместно с венгерской полицией несли службу патрульные наряды, часовые и посты наблюдения военнослужащих Советской армии.

Руководителем операции был назначен начальник опероргана, а его заместителем по войскам – командир 2-го дивизиона 12-го отряда внутренней охраны подполковник Зорин. Начало операции было назначено на 19.30 16 ноября.

В ночь на 17 ноября личный состав 6-й команды во главе с капитаном Черношевым, используя средства усиления, скрытно блокировал здания посольства пятью неподвижными постами наблюдения, семью подвижными постами патрульных наря-

дов и четырьмя БТР-40. Наблюдатель поста № 1 совместно с сотрудниками полиции, охранявшими посольство, прикрывал выход на ул. Сталина, наблюдатель поста № 2 также вместе с работниками венгерской полиции — выход на пл. Героев. Наблюдатель поста № 3 прикрывал выход через тыльные ворота посольства и вёл наблюдение вдоль его забора, с поста № 4 велось наблюдение вдоль забора с фасадной стороны зданий.

Для пресечения попытки подкупа в посольство со стороны входа в метро, который располагался в 30 метрах от указанных зданий, был выставлен секрет в количестве трёх военнослужащих. Секрет также вёл наблюдение за посольством.

Четыре БТР-40 внутренней охраны и танки Советской армии располагались на перекрёстках соседних со зданиями посольства улиц и были готовы своевременно перекрыть их в случае попытки разыскиваемых лиц выехать из посольства на автомашинах.

В ночь на 17 ноября наблюдатели ефрейтор Строганов и рядовой Ванин задержали неизвестного, пытавшегося незаметно проникнуть во двор посольства. При проверке оказалось, что задержанный является активным участником белого террора в Будапеште и накануне террора был освобождён из тюрьмы.

Согласно справке, имеющейся в архиве ФСБ России, задержанным военнослужащими внутренних войск Строгановым и Ваниным был бывший начальник будапештской полиции полковник Шандор Копачи. С началом путча он отдал своим подчинённым приказ о непротивлении, а сам перешёл на сторону мятежников, открыл для них несколько складов оружия. Впоследствии был включён в

состав Военно-революционного комитета. Судом приговорён к высшей мере наказания.

“В ту же ночь, — цитируем далее доклад подполковника Щербакова, — рядовыми Столяровым и Михайловым было задержано 17 нарушителей комендантского часа, пытавшихся проникнуть к объекту операции. Задержанные были переданы оперативным работникам. Среди задержанных находились видные участники мятежа: Ференц Донат — бывший секретарь Центрального руководства Венгерской партии трудящихся, Лазар Миклош, выступавший в печати с призывом к расправе с работниками госбезопасности, подполковник Паллош Фельцан, командир 7-й механизированной дивизии венгерской армии, открыто перешедший на сторону мятежников.

18 ноября группа неизвестных в количестве пяти человек вышла из здания посольства, села в легковую автомашину, после чего та направилась к выезду со двора на ул. Сталина.

Наблюдатель сержант Лобанов немедленно доложил об этом условным сигналом (поднятием оружия вверх) командиру группы 6-й команды старшему лейтенанту Буравлёву, а тот дал сигнал старшим нарядам на БТР. Как только легковая автомашина выехала с территории югославского посольства, один БТР в условленном месте преградил ей дорогу, а второй бронетранспортёр закрыл ей путь отхода.

После проверки документов были установлены личности находившихся в машине. Ими оказались Имре Надь — глава правительства мятежной Венгрии, идейный руководитель и вдохновитель мятежа, а также его ближайшие соратники Йозеф Силади и Миклош Гимеш. Всем троим было предложено пересесть в один из бронетранспортёров.

Остаётся добавить, что в тот же день Имре Надь под конвоем четырёх военнослужащих 4-й команды 12-го отряда внутренней охраны, которых возглавлял старший сержант Куц, был отправлен самолётом в Москву.

Следствие и судебный процесс над бывшим главой венгерского Военно-революционного комитета длились почти полтора года и завершились вынесением смертного приговора за “организацию контрреволюционного заговора и измену родине”. 16 июня 1958 года приговор был приведён в исполнение.

★
**Подполковник
Тимур МАКОЕВ**
Фото из фондов
Центрального архива
ФСБ России

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В СТРОЮ ТАЛАНТЫ...

Пятнадцать лет назад в жизни войск правопорядка произошло знаменательное событие: были созданы штатные ансамбли песни и пляски. Время тогда было тяжёлое: в Чечне шли боевые действия, страну поразил глубокий экономический кризис. Казалось бы, не до песен и танцев воюющим войскам. Герой одного из известных фильмов говорил: “Кто сказал, что надо бросить перо на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне!”. И верно: сложно переоценить силу искусства в воспитании военнослужащих, поддержании их высокого боевого духа.

— Так сложилось, что в середине 1990-х годов звёзды отечественной эстрады стали редкими гостями в солдатских клубах и гарнизонных Домах офицеров. Войска попросту не могли оплачивать их выступления, — рассказывает заместитель главкомандующего внутренними войсками МВД России по военно-научной работе генерал-лейтенант Валерий Новожилов. — Культурная жизнь во многих частях и соединениях в тот момент ограничивалась лишь художественной самодеятельностью. Пробле-

ма организации досуга военнослужащих и членов их семей стояла очень остро. Единственно возможным выходом из сложившейся ситуации командованию войск виделось создание штатных ансамблей. Кстати, в Вооружённых силах и пограничных войсках собственные профессиональные творческие коллективы к тому времени уже существовали.

Процесс формирования войсковых ансамблей песни и пляски шёл не просто. Новаторскую идею отстаивали и продвигали в жизнь командующий внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Анатолий Афанасьевич Шкирко и его замести-

тель генерал-лейтенант Станислав Фёдорович Кавун. Во многом благодаря их принципиальной позиции в 1996 году министр внутренних дел генерал армии Анатолий Сергеевич Куликов принял решение о создании в округах внутренних войск и ОДОНе штатных ансамблей.

За пятнадцать лет войсковыми творческими коллективами пройден интересный путь. Сегодня без их участия в войсках не обходится ни одно культурное событие. Наши артисты выступают не только в клубах воинских частей, но и на известных региональных и государственных концертных площадках. Кстати, толь-

ко в 2010 году они дали более 120 концертов, на которых побывали свыше 60 тысяч человек.

Ежегодно войсковые артисты принимают участие в межрегиональном фестивале-конкурсе «За веру! За Отчизну! За любовь!», который проходит в Сочи, и тамбовском межрегиональном фестивале солдатской песни «Мелодии солдатского сердца». Они становятся лауреатами этих конкурсов, завоёвывают Гран-при. И мы с гордостью наблюдаем, как с каждым годом повышается уровень их исполнительского мастерства. Потенциал у наших ансамблей огромный. Особенно ярко это проявляется на войсковых фестивалях, где артисты демонстрируют всё самое лучшее, что они нарабатывали в творческой мастерской. Два года назад I фестиваль положил начало ежегодным творческим слётам. Мы видим коллективы в работе, а оценивает войсковых артистов профессиональное жюри. И уже сейчас можно сказать, что фестиваль стал, пожалуй, самым значительным событием в культурной жизни внутренних войск.

У каждого из войсковых ансамблей свой оригинальный репертуар, своя особая подача материала. Но объединяет их одно: в каждом творческом коллективе трудятся настоящие профессионалы.

— Огромным достижением считаю то, что за годы существования ансамбля у нас появилось много разноплановых солистов, в репертуаре которых и русские народные песни, и джазовые композиции, и оперные арии, — рассказывает заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат премии МВД России начальник ансамбля песни и пляски ОДОНА подполковник Николай Железняк. — В коллективе работают три заслуженных артиста России: хормейстер Людвиг Носович, солисты Надежда Федоренко и Николай Гусев. Солистки заслуженный работник культуры России Татьяна Евсеевко и Ольга Чистякова стали лауреатами премии МВД. У нас много удачных творческих находок. Например, в этом году на суд зрителей мы представили мини-спектакль «Гусарский бал», где прозвучали многие известные произведения классического жанра. К этой программе коллектив шёл долгих семь лет. И результат превзошёл наши самые смелые ожидания.

— Творческую деятельность мы начали в 2007 году, — говорит начальник ансамбля песни и пляски 46-й бригады лейтенант Марина Бессмертная. — Несмотря на то, что первое время в штате было всего семь человек, мы старались делать полноценную концертную программу. Часто выезжали выступать на взводные опорные пункты и отдалённые заставы, и везде зрители принимали нас тепло и сердечно.

Сегодня в ансамбле 13 человек, в репертуаре около 50 произведений, есть вокальная и балетная группы. В этом году в коллектив пришёл член Союза писателей, народный поэт и заслуженный деятель культуры Казахстана Олег Тимофеевич Андриеский. Теперь у нас есть профессиональный ведущий концертных программ.

Первой по-настоящему серьёзной проверкой стал для нас фестиваль войсковых ансамблей в 2009 году. В Москве мы увидели работу коллектив профессионалов, у которых многому научились, поделились с ними своим опытом. Думаю, сложно переоценить значение подобных культурных мероприятий для творческого развития любого артиста.

— Я горжусь нашим коллективом, — говорит начальник ансамбля песни и пляски Приволжского регионального командования заслуженный работник культуры Республики Южная Осетия подполковник Алексей Косых. — Горжусь подчинёнными, настоящими профессионалами. Среди них мой заместитель Юрий Степихов, заслуженный артист Республики Южная Осетия солист Вячеслав Ермаков, балетмейстер Андрей Слизов, хормейстер Анна Мельникова, солистка Ольга Мелузова и другие. Во многом благодаря их таланту наш коллектив в 2003 году стал лауреатом премии Нижнего Новгорода, а в 2004-м — лауреатом премии МВД России. В преддверии

празднования 200-летия внутренних войск мы объехали с концертами все части и соединения Приволжского регионального командования, выезжали на гастроли в Южную Осетию.

На прошлом войсковом фестивале наша балетная группа была признана лучшей. В танце «Народы Поволжья» мы стремились показать многообразную и самобытную культуру народов нашего уникального региона, и, кажется, это получилось. Очень здорово, что каждый год в коллектив приходят молодые талантливые артисты. Не так давно танцевальную группу пополнили танцоры из труппы Нижегородского государственного академического театра оперы и балета им. Пушкина. С ними к предстоящему фестивалю обязательно подготовим новый номер. Хотим удивить и жюри, и зрителей.

По словам начальника ансамбля песни и пляски Восточного регионального командования майора Андрея Чистякова, за годы существования во внутренних войсках профессиональных ансамблей значительно повысилось не только мастерство артистов, но и уровень материально-технического обеспечения.

— Не так давно наш коллектив переехал в новое здание с вместительным зрительным залом, балетным классом, отличной внутренней отделкой, прекрасной акустикой. Артисты получили возможность работать на новейшей аппаратуре, — отмечает он. — Всё это даёт возможность с уверенностью строить творческие планы. Потенциал ведь у нас огромный. В прошлом году на фестивале нашу вокальную группу признали лучшей, и в этом большая заслуга Александра Георгиевича Лопатина. Скажу без ложной скромности — коллектив поистине уникален. В его репертуаре есть арии из опер Верди, Моцарта, оперетты Кальмана «Принцесса цирка». Отмечу и работу солистов, старожиллов ансамбля Алексея Конохова и Валерия Ткачёва.

Предметом особой гордости артистов стал наш первый видеозапись, в который вошли 40 лучших произведений, исполненных за последние десять лет. Записывали его в профессиональной студии. Для нас это настоящий творческий прорыв.

Есть чем гордиться и начальнику ансамбля песни и пляски Уральского регионального командования старшему лейтенанту Сергею Батухтину.

— Без преувеличения скажу, что наш коллектив один из самых ярких в Уральском федеральном округе, — с гордостью говорит офицер. — У нас трудятся талантливейшие люди: заслуженный работник культуры Узбекистана Наталья Алексеевна Маслова, призёр международного конкурса по бейли-дансу Елена Кудрина, лауреаты всероссийских и международных конкурсов Вадим Таланов, Наталия Старкова, Александр Захаров, Евгений Семёнов.

Сегодня идёт работа над клипом о деятельности ансамбля. Готовим клип на песню Антона Кошелоюка «Гимн героев внутренних войск», который обязательно представим на III войсковом фестивале. Творческие планы большие. Хотим сделать масштабное театральное действо, в котором будут участвовать все артисты ансамбля. Активно обновляем репертуар, ищем новые формы построения программы. Думаю, что приятным сюрпризом станет исполнение солисткой Натальей Старковой арии Царицы ночи из оперы Моцарта «Волшебная флейта» в обработке нашего музыканта.

По мнению начальника ансамбля песни и пляски Центрального регионального командования подполковника Александра Мещерякова, главное богатство творческого коллектива — это прежде всего люди.

— Для меня говорить о достижениях ансамбля значит рассказывать о талантливых людях, — делится он своими мыслями. — К примеру, наш ведущий Владимир Ионис — настоящий мастер разговорного жанра. С приходом балетмейстеров Елены Викторовны Пряхиной и заслуженного артиста России Владимира Николаевича Пряхина сформировалась замечательная балетная группа. Яркие проявили себя танцоры Екатерина Яковенко, Павел Кабанов, Ирина Качалина, Николай Фролов.

В этом году на сочинском фестивале «За веру! За Отчизну! За любовь!» наша хоровая группа заняла третье место. Этот успех был достигнут благодаря братьям Антону и Алексею Фомовым, Виталию Страхову, Александру Попову.

В начале осени в коллектив пришёл хормейстер Борис Васильевич Яковлев. Он больше 20 лет трудился в Академическом ансамбле песни и пляски внутренних войск, обладает бесценным опытом и сейчас передаёт его молодым солистам. Вижу, что ребята увлечены и тянутся к Борису Васильевичу. Я убеждён: он будет для них настоящим наставником.

У нас мобильная, универсальная оркестровая группа, состав которой позволяет исполнять произведения всех жанров и работать на любую аудиторию. Во многом это заслуга

дирижера, заслуженного артиста России Юрия Константиновича Смирнова. В репертуаре группы более 300 произведений. По исполнительскому мастерству ритм-секция в составе Сергея Чекморова, Игоря Ляха и Егора Абрамова может поспорить со многими профессиональными коллективами. Ещё одна наша гордость – солист оркестра, аранжировщик заслуженный артист России Геннадий Евгеньевич Цветков. И как не сказать об Илье Прокудине. Это уникальный трубач! Вообще, с трубами нам повезло: кроме Ильи в коллективе блещет своим мастерством заслуженный работник культуры России Виктор Сергеевич Козлов.

В ансамбле также работают замечательные солисты Александр Васильев, Лариса Паладьева, Лора Новаковская, Наталья Шевченко, Сергей Воробьев. В будущем хотим расширить репертуар произведениями,

которые исполняли Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон и Александр Розенбаум.

К слову, в сентябре нынешнего года наши солисты Лариса Новаковская и Александр Васильев стали заслуженными артистами, а Виктор Козлов – заслуженным деятелем искусств Чеченской республики.

При нашем разговоре Александр Серафимович скромно умолчал, что заслуженным артистом Чеченской республики в том же месяце стал и он сам...

– В своей творческой деятельности мы делаем ставку на профессионализм исполнителей, – рассказывает начальник ансамбля песни и пляски Сибирского регионального командования подполковник Игорь Шаталов. – В нашем коллективе около 90 процентов артистов имеют высшее профессиональное образование. Например, балетмейстер заслуженный артист России Леонид

Никитков 25 лет отдал Государственному академическому Сибирскому русскому народному хору. Солистка заслуженная артистка России Ольга Орлова прекрасно знает специфику ансамбля песни и пляски, имеет богатый опыт выступления на сцене. Хормейстер Александр Зверев ранее работал в хоре Новосибирского государственного академического театра оперы и балета.

Наш ансамбль знают не только в Новосибирске, где мы постоянно выступаем на многих городских площадках, но и по всему Сибирскому федеральному округу.

Начальник ансамбля песни и пляски Северо-Кавказского регионального командования заслуженный артист Чеченской республики подполковник Олег Максютя считает, что успешная творческая деятель-

ность коллектива сегодня стала бы невозможной без упорного труда его предшественников.

– Не могу не сказать слова благодарности заслуженному артисту России подполковнику Сергею Сорокуну и заслуженному работнику культуры Республики Карелия подполковнику Александру Гарбузову. Во многом благодаря их работе удалось создать один из самых лучших военных творческих коллективов, – говорит офицер. – У нас во все времена была своя специфика: командировки в подразделения, которые выполняют служебно-боевые задачи в особых условиях. Когда выезжаешь на такие гастроли, знаешь, что комфортных условий для выступления не будет. Чаще всего это импровизированная площадка в поле. Наша солистка заслуженная артистка России Надежда Сапрыкина обездвигала, пожалуй, все горячие точки.

Ещё одна солистка заслуженная артистка Республики Северная Осетия–Алания Екатерина Максютя с песней «Цвети, земля» стала лауреатом и получила диплом I степени на сочинском фестивале «За веру! За Отчизну! За любовь!». На прошлом войсковом фестивале солист Сергей Гомзин просто очаровал жюри своим голосом. Профессор Ростовской консерватории им. Рахманинова народный артист России Виктор Иванович Гончаров пишет для ансамбля популярную и инструментальную произведения, занимается аранжировками для оркестра. Главный хормейстер заслуженная артистка Чеченской республики Татьяна Анатольевна Малахова делает аранжировки для хора. В прошлом году на фестивале мы представили танец «Донская плясовая», который придумал и поставил балетмейстер Игорь Викторович Патцель.

Сейчас к грядущему фестивалю готовим масштабную программу. Дух состязательности, который царит среди наших коллег, я уверен, помогает развиваться всем коллективам.

– На прошедшем фестивале войсковых ансамблей наш хор был признан лучшим. Это огромный труд хормейстера заслуженного работника культуры Алексея Крестинина, который восемь лет руководил коллективом, – рассказывает начальник ансамбля песни и пляски Северо-Западного регионального командования майор Алексей Чердниченко. – Мы можем гордиться, что в репертуаре ансамбля большое количество авторских песен. На I фестивале прозвучали три композиции наших музыкантов. А уже через год песня солиста Михаила Калмыкова «Марш внутренних войск» в исполнении хора удостоилась первого места в номинации «Лучшее произведение, посвящённое 200-летию внутренних войск МВД России».

Наш дирижёр заслуженный артист России Юрий Васильевич Бондаренко, всю жизнь посвятил работе в военных ансамблях. Начинать ещё в советские времена в Казахстане. Восемь лет возглавлял ансамбль Ленинградского военного округа, один из лучших в стране. Он работает с разными жанрами и в любом музыкальном направлении. Пожалуй, нет произведения, которое он не смог бы подготовить к исполнению хоровой группой. Есть у нас вокально-инструментальная группа «Сфинкс». Ребята исполняют песни военно-патриотического направления, работают в стиле «Голубых беретов».

Интересны разножанровые вещи в исполнении солиста хора, тенора Андрея Калайды. У него очень красивый, редкий тембр голоса. Думаю, что на III фестивале зрители и жюри оценят наши новые творческие находки.

Жизнь войсковых ансамблей продолжается. Впереди у них новые успехи и свершения, достижения и победы, которыми они обязательно порадуят своих самых преданных зрителей – военнослужащих внутренних войск.

Майор Елена ЖАРНИКОВА
Фото из архива редакции

ПОЛЕ ЕГО БРАНИ: УГРЮМЫЙ СОЛДАТ ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Десять лет, как не стало большого русского писателя Виктора Астафьева (1.05.1924 – 29.11.2001). И целых двадцать лет минуло после наших встреч с ним в Красноярске. Плод тех разговоров – беседа под заголовком “Заполнять верой души...” была опубликована в сентябрьском номере нашего журнала за 1991 год.

На день нашей первой с ним встречи Виктор Петрович был уже признанным классиком, тёртым жизнью мудрецом из народа, изрядным словознатцем, создавшим несколько томов замечательной русской прозы. Астафьева знали, читали и почитали...

На рубеже 80-90-х годов наш “Союз нерушимый республик свободных” стал всё-таки рушиться, а свободные республики захотели полного и безоговорочного суверенитета с выдачей им своего куска “братского пирога”. Метастазы, съедающие могучую державу, уже пошли по окраинам – Фергана, Карабах, Молдавия, Абхазия, Баку, Тбилиси, Ереван, Вильнюс... Развал великой страны был назван даже ныне стоящими у власти геополитической катастрофой, последствия которой за минувшие двадцать лет не преодолены.

Тогда разговаривали мы с Виктором Петровичем о том, что было, что с нами происходит и что нас ожидает.

Спросил Астафьева: “Так придёт тот час, когда увидим Отечество мощным, процветающим?” – “Ой, как далеко до этого! Сейчас бы главное – выжить. Сейчас не до жиру. Восстановление духовное, потом уж мощь”.

Заговорили о духовном. Помню, спросил Виктора Петровича, зачем это красноярская писательская организация и литературный альманах “Енисей” издали двухмиллионным тиражом... “Кама Сутру”? Астафьев отговорился-отшутился, дескать, “Кама Сутра” – бальвоство, хуже было, “когда нам загадили мозги до беспредела большевистской идеологией”.

Говорили мы долго, пока Мария Семёновна не вмешалась и не избавила мужа от докучливого военного журналиста. Я вышел тогда от Астафьева с двойственным чувством: с одной стороны, на интервью-то мы наговорили, а вот с другой – не на-

шёл я в знаменитом и уважаемом собеседнике ожидаемой душевной опоры-поддержки (не для себя одного, но и для читателей наших).

Всегдашний, с юных лет, пietet к большому писателю, искреннее уважение к раненому фронтовику, ровеснику и земляку моего отца, тоже раненого окопника, держали нас в разных весовых категориях, и всякая моя попытка возразить (встречались мы с ним в 90-91-х годах трижды) или хотя бы полемизировать с мастером оканчивалась его щелчком по моему носу.

К примеру, стал Виктор Петрович хлестать по щекам “комиссаршек-большевичков”, дескать, суки они все. Я пытался возразить: “Да не все, наверное. И в ту войну сколько угодно было не просто порядочных, но и героических политработников”. – “Я не встречал, – слышу категоричный ответ. – У нас начпо бригады за войну восемь баб обрюхатили”. Ну что на это мог я ответить? Спросить, не стоял ли солдат Астафьев всё время со свечкой в замполитовской землянке?

Рассказываю, что нынешние наши замполиты сидят с солдатами под пулями в Карабахе, случается, и гибнут (о лейтенанте Олеге Бабаке вспомнил). В.П. в ответ: “А какого х... вы туда полезли?! Пусть эти чернок... друг дружку перебьют! Мужиков русских суют куда попало. Им там плюют в лицо, обзывают всяко. Зачем ребят унижать? И всё русские. Они всё терпят. Но сколько можно терпеть?” Заодно досталось от писателя и Александру Васильевичу Суворову, который “таскал армию куда-то там...” Такая вот “классика” от классика...

Позже, когда выходили в свет две части романа “Прокляты и убиты”, повести “Так хочется жить” и “Весёлый солдат”, я находил в них некоторые эпизоды, мысли-наброски, озвученные Виктором Петровичем во время нашего разговора в его квартире в красноярском Академгородке. В ту пору он уже работал над романом, который задумывал как фронтовую эпопею в трёх частях. Как надо писать о войне, В.П., конечно, знал – для меня и наших читателей разъяснил: “Я уж говорил в “Литературке” и ещё раз повторю, коли речь зашла о военной литературе и коли ваш журнал военный, что настало время писать о войне по-другому. Сегодня, когда существует довольно большая ми-

ровая литература о войне, дающая о ней представление как о кровавой бойне, перед художником стоит задача написать свою войну. Сейчас писатель, как я понимаю, должен больше осмыслять происходившее. Вникать в него. Размышлять вслух. Беседовать с глазу на глаз с читателем”.

Астафьев и стал “размышлять вслух”. А вслух он размышлял зачастую с такими “картинками”, что хоть святых выноси...

Валентин Распутин на это заметил (газета “День литературы”, № 10, 2005): “Я думаю, если бы у Астафьева в последних романах не было мата, он что, хуже бы стал как писатель? Не стал бы хуже... Астафьев красочно матерился за столом – было одно удовольствие его слушать. Но, простите, литература – это совсем другое. В последних его книгах нет его весёлости, хотя он и пишет “Весёлый солдат”. Зачем он увлёкся этим? Есть у молодёжи эпатаж, есть и у матерых писателей. Виктор Петрович сделал первую ошибку, заявив, что надо было сдать немцам Ленинград, дальше он уже пошёл напролом. Эпатаж это или ожесточённость, не знаю. Я думаю, он сам от этого страдал. Уверен, что он страдал и от одиночества, и от ожесточённости, но уже отступить не мог от образа своего нового, от новой репутации. Он стал узаконенным матерщинником в литературе”.

Недоумевали, сокрушались, критиковали не только сотоварищи-“деревенщики”, но и, что обиднее, фронтовики-окопники. Ладно бы только ярые неугомонные полемисты, как, например, Владимир Сергеевич Бушин. Но даже старинный астафьевский друг, незлобивый и неконфликтный Евгений Иванович Носов, признавался: “Мои отношения с Астафьевым тоже поостыли: он стал много врать и в своих публикациях, и в устных выступлениях. Я попытался урезонить его, но он надулся, пользуясь моментом, кляня прежнюю власть, которая и сделала его писателем, и дала возможность повидать белый свет (бывал иногда в пяти странах за одну поездку), сейчас он перебежал в иной лагерь, где сладко кормят и глядят по шерсти за его услуги, получил возможность издать аж 15 томов своих сочинений, в том числе ужасного, нечистооплотного романа “Прокляты и убиты” (Лите-

ратурная Россия, 21 июля, 2001).

Если даже друг-товарищ не смог урезонить В.П., то что ему было до мнения вовсе не знакомых людей. В авторских комментариях к роману “Прокляты и убиты”, изданному “Эксмо”, нашёл я ссылку на письмо московского генерала Б. (фамилию не будем здесь называть, учитывая преклонные лета и слабое здоровье ветерана). Хорошо и давно знакомый мне этот генерал наших внутренних войск пытался полемизировать с Астафьевым, будучи несогласным с его “концепцией изображения “линии партии” в романе”. В ту пору никаких авторитетов для В.П. не существовало. Он отмахивается легко: “Генерал Б., слышал я, выступил в газете “Труд” с резкой критикой романа, но я редко вижу эту газету и статьи не читал”. Вот и весь разговор!

Замечу, что на момент выхода в свет громкого того романа были живы многие участники тех боёв. Отец мой в войну был лейтенантом, командиром пулемётного взвода. Сибиряк, вовсе не умеющий плавать, он на подручных средствах форсировал реки Десну и Днепр. Был тяжело ранен. Рана на ноге, под гипсом,гноила, а потом кишела червями. Под угрозой гангрены ногу хотели ампутировать. Выкарабкался из госпиталей мой отец, девятнадцатилетний лейтенант, покостыля в Сибирь, выздоравливать... И запасный полк был, и маршевая рота, и вторая война – с японцами. А потом доблестную дивизию целиком – в войска НКВД. Судьба так повернулась к фронтовикам вчерашним, так Родина приказала. Они ответствовали: “Служба есть служба”. На Дальнем Востоке, потом в Забайкалье пришлось охранять пленных японцев.

В наших войсках прекрасно помнят генерал-лейтенанта Фёдора Васильевича Бубенчикова – тоже отважный фронтовик, командовавший штрафной ротой (и про эти роты известно сколько понавляли сочинители!), после войны стал конвойником, дослужился – честно, трудом своим – до высокой должности начальника штаба внутренних войск.

В повести Астафьева “Так хочется жить” читаем: “В конвойном полку толклось множество рядовых и командиров, успешно отсидевшихся в тылу, пресмыкающихся, исподличавшихся. Пополнение из ране-

ных фронтовиков не могло не вступить в конфликт с этакой шайкой. И вступило. Дело доходило до мордобоя, в котором верх, конечно же, держали старые конвойники, сытые, здоровые ребята. Нестроеныками разбавляли в ротах это сытое и наглое кодро, которое объединённо вело подлое дело...” По утверждению автора, “конвойный полк кишмя кишел доносчиками, предателями, подлецами. Червивая помойка... Из помоек помойка...”

Это был ровенский конвойный полк, куда перед самым концом войны занесло связиста-артиллериста Астафьева.

Здесь по ходу повествования страсти-мордасти по Астафьеву всё разгораются. А что было на самом деле? “Всё было не так...” – заголовок письма в редакцию журнала “На боевом посту” (№10, 1995) полковника в отставке В.Елагина. Он, младший лейтенант, командир взвода, служил в то самое время в том самом полку и досконально разобрал астафьевский опус, разбивая в пух и прах писательские домыслы и вымыслы, претендующие в данном случае на истину.

В.П. в ответ на вполне объективные претензии фронтовиков, в том числе и окопников, и конвойников, на замечания писателей, критиков отвечал-отрезал: “А что касается правды о войне, то я не зря везде говорю и говорю, писал и пишу – это моя правда, моя, и ничья больше. Она может не совпадать с иной правдой, в том числе и солдатской. Я воевал с весны 43-го года и на фронте был очень мало, больше валялся в госпиталях и не испытал того, что испытывали солдаты войны, мыкавшиеся на фронте с 1941 года”.

О людях в погонах писатель Астафьев философствует и в напумевшей в 80-е годы повести о горемычной России “Печальный детектив”: “А кто рождён для милиции, для воинского дела? Не будь зла в миру и людей, его производящих, ни те ни другие не понадобились бы. Веки вечные вся милиция, полиция, таможенники и прочая, прочая существуют человеческим недоразумением. По здравому разуму, уже давно на земле не должно быть ни оружия, ни военных людей, ни насилие. Наличие их уже просто опасно для жизни, лишено всякого здравого смысла. А между тем чудовищное оружие достигло катастрофического количества, и военная людь-

во всём мире не убывает, а прибывает, но ведь предназначение и тех, что надели военной формой, военный мундир, было, как и у всех людей, – рожать, пахать, сеять, жать, создавать. Однако выродок ворует, убивает, мухлюет, и против зла поворачивается сила, которую доброй тоже не назовёшь, потому как добрая сила – только создающая, творящая...”

Так что читатели наши, “военная людь”, знайте, что все мы – сила если и не злая, то уж во всяком случае не добрая. И нас писатель Астафьев (мир праху его!) всегда чуял за верста. Заканчивая повесть “Так хочется жить” (написана она была между сентябрём 1994 и январём 1995 года), он вернул сценку протестного митинга: “Но вот метнулся угодник-хвостёрка в гущу толпящегося, потирающего кровавыми знамёнами сборища, среди которого было две примелькавшиеся стервятницы и один стертвник с гармошкой, по найму шныряющие по разного рода сборищам, мелькали они даже в столичной хронике, да и остальной народ лицами был мучительно знаком старому солдату, – вдруг ударил по башке: “Да в конвойном ровенском полку я их всех видел, рожи-то у падали этой вездехи и всюду совершенно одинаковые!”

Вот так-то, друзья-конвойники, бывшие и нынешние, из ровенского и других полков, да и остальной народ, под “кровавыми знамёнами”... Падали вы – по Астафьеву...

На какого читателя рассчитывал Астафьев, выдавая на-гора свои новые произведения 90-х? Видимо, как писатель всенародного признания, рассчитывал Виктор Петрович на читателя и всероссийского, и всемирного (в литературных кругах либерал-демократического направления всерьёз поговаривали о возможном выдвижении писателя на Нобелевскую премию).

Заметим, что отличиями самыми высокими и премиями весьма содержательными он отмечался многожды и при яро ненавидимых им Советах: Герой Социалистического Труда, лауреат двух Государственных премий СССР и двух же России, он заслужил ещё несколько советских орденов – ненавидимого им “жидо-чуваша” Ленина, Трудового Красного Знамени (целых три!), да ещё Дружбы народов.

“Писатель – профессия несчастная, – пишет критик Валентин Кур-

батов, друживший с писателем многие годы (Литературная газета, №23-24, 2003). – Не зря Виктор Петрович не желал её своим детям...” Сам же Астафьев о писательском ремесле своём в интервью для “Комсомольской правды” (взято Н.Варсеговым в феврале 1999 года, опубликовано в декабре 2001 года) отзывался привычно, без обиняков, в самоиронии, пресловутой “озорватости” своей дохода до ёрничества: “Я вот недавно задумался и впервые для себя осознал: работа-то наша писательская – греховная. Есть главная мораль, от Бога идущая, – Евангелие, Библия – вечные постулаты. А мы переиначиваем, искажаем эти постулаты на свой манер. Неумело, коряво подменяем слово Божие навязыванием каких-то своих личных моралей. Другой бы человек Библию почитал, ума набрался, а он сколько времени теряет, мою, например, писанину перелопачивает. Вон уж несколько чудачков позвонили: “Виктор Петрович, все ваши пятнадцать томов прочитали!” Это ж сколько я умов нагрузил! От созерцания истинных ценностей отвлёк...” Самолюбование здесь неприкрытое: вот, мол, звонят, пятнадцать томов перелопачивают...

На старости лет Бога все же помнил он часто, что, как известно, грех. Грехов иных за ним тоже изрядно по жизни накопилось.

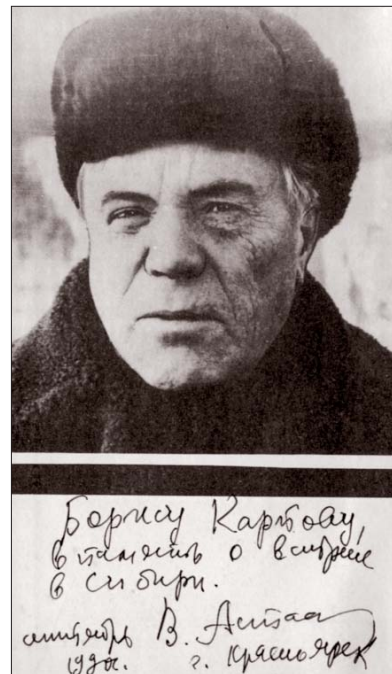
В них признавался. Но вот каялась ли, исповедовался, причащался – бог весть...

Виктор Иванович Лихоносов, у которого довелось побывать несколько лет назад в Краснодаре, от интервью отказался. Дескать, всё, что думаю и знаю, – в книгах моих. Зато надписал мне великолепный “Наш маленький Париж”, ещё несколько номеров своего журнала “Родная Кубань”, где публиковались его “Записи перед ночью”. Там-то нашлись ответы на многие вопросы, которые собирался задать Виктору Ивановичу. Вот что касается нашей сегодняшней темы: “В “Литературной газете” (8 февраля 1995 г.) интервью В.А. Сума сошё! Вспоминает посещение Гроба Господня: “Это, говорит, – какое-то самоочищение прежде всего, это какой-то свет, который тебя всю жизнь тревожит и как-то освещает”. Да-а... Куда только не заведёт привычка “быть литератором”. Я помню всех в этом путешествии: и в церкви Воскресения (где Гроб), и в яслях в

Вифлееме, и у реки Иордан. Большинство и не перекрестились ни разу. Если очистился, то что же тебя всё та же злоба вооружает? Никому никакого прощения. И погибшим даже. Неужели он не понимает, кто его злость орошает сладким ядом? Ведь это уже не “чувство правды”, не позиция “честного писателя”, а заблуждение сорной души, раздражение однажды поругавшегося со всем старым миром человека. Но кого же он выбрал в союзники, в слушатели?”

Виктор Иванович Лихоносов – человек с тонким настроением души, замечательный мастер русского литературного слова, уж на что незлобив и неконфликтен, и то не выдержал по прочтении астафьевских последних вещей о войне, а тем более узнав о его подписи под “растительным” письмом “Раздавить гадину”, в котором содержался призыв к власти жёстко подавить сопротивление оппозиции в октябре 93-го, о сожалении фронтовика Астафьева о том, что Советские не сдали немцам Ленинград. “Что с тобой случилось, Виктор Петрович? – сокрушённо-горестно спрашивал тёзка и почти земляк – Прости, но я думаю, виновато твоё безбожие. Ты в Бога веришь литературно, как-то от ума, хотя ты в своей жизни страдал столько, что душа твоя только в Боге могла бы и успокоиться. Отсюда твоя постоянная остервенелость (да ещё у Б.Можаява), какая-то несовоиственная русскому большому писателю страсть казнить всё по-большевистски и обрётённая под шумок славы привычка вещать, ничего уже не говорить в простоте. А только для народа, для переворота системы, мессиански”.

Нельзя не согласиться, что остервенелость и озлобленность – не самые похвальные и полезные качества для человека вообще, а для большого русского писателя – в особенности. В книгах, которые он мне подарил с добрыми пожеланиями и с разрешением: “оттуда

можете брать, что вам понадобится, там всё – моё”, есть и размышления В.П. на тему писательского душевного настроя, о котором здесь говорим.

“Когда мне нынче толкуют, что работа моя в литературе проникнута светом добра, я принимаю это как должное, с тем спокойствием, которое утверждено сознанием, – иной она и быть не могла” (Статья-послесловие “Стержневой корень” в сборнике “Повести “Кража”, “Зрячий посох”. Кемерово, 1989).

В сборнике статей и интервью “Посох памяти” (М.: Современник, 1980) есть ответы писателя на анкету журнала “Москва” в связи с 30-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Там Астафьев признаётся, что его жизнерадостный и оптимистический характер “хотя и сохранился в войну, однако понёс неизбежные утраты, и они-то часто подминают под себя светлое видение мира, и тогда являются в жизнь и в прозу раздражение, подозрительность, недовольство (прежде всего самим собою), порой и озлобленность – самый плохой помощник в

Я пришёл в мир добрый,
родной
и любил его безмерно.
Ухожу из мира чужого,
злобного, порочного.
Мне нечего сказать
вам на прощанье.

Виктор АСТАФЬЕВ.
Эпитафия.

1947 г. В. Астафьев в вышитой
женой косоворотке и с планками
боевых наград – ордена Красной
Звезды, медали “За отвагу” и
медали “За победу над
Германией”

1999 г. В день 75-летия.
С орденом “За заслуги перед
Отечеством” II степени
на смокинге

писательской работе”.

Этот “самый плохой помощник”-то зачастую и водил писательским пером, когда создавались последние произведения Астафьева о войне.

Откуда название романа “Прокляты и убиты”? Это Коля Рындин, старообрядец из запаса полка кричит над могилой расстрелянных братьев Серёги и Еремея Снегирёвых, скоропалительно обвинённых в desertстве: “Бога!... Бога!... Он покарят! Покарят!.. В геенну!... Прокляты и убиты... Прокляты и убиты! Все, все-э...”

Беседуя со мной, подполковником войск МВД (по-старому – энкаведэшником), двадцать лет назад, Астафьев, похоже, правда, без староверского фанатизма и экзальтации обещал: “Всех, кто в журналистике советской поработал, как только туда, в ад, попадём, всех на сковородку, вместе – военных с погонами и нас без погон – всех на сковородку посадят голой задницей”.

Когда не стало ни Главлита, ни Главпура, кое-кто счёл вседозволенность для творческого люда победой, шагом в свободу в писаниях своих. Вряд ли вышеназванные главы или привередливые редакторы в толстых журналах и издательствах правила эти правильные пассажи Астафьева, сочинённые им “три Советам”. Они, эти цитаты, выбраны в подтверждение “эволюции” русского писателя Астафьева.

Из рассказа “Сашка Лебедев” (не путать с повестью “Сашка” Вячеслава Кондратьева): “Когда слабо сопротивляющегося Синтymbаева уволок в санпропускник, Сашка сурдин забросил розу в кусты и выругался. Олег поморщился. Не любил он похабщины, не приучен к ней. Отец грузчиком был, но боже упаси при сыне облаяться. И на войне Олег сопротивлялся как мог этой дикости, которой подвержены были даже большие командиры и вроде бы иной раз щеголяли ею”.

Из повести “Пастух и пастушка”: “Ползёт солдат туда, где обжит им уголок окопа. Короток был путь из него навстречу пуле или осколку, долгий путь обратный. Ползёт, обливаясь сохшими губы, зажав булькающую рану под ребром, и облегчить себя ничем не может, даже матюком. Никакой ругани, никакого богохульства позволить себе сейчас солдат не может – он между жизнью и смертью. Какова нить, их связующая? Может, она так тонка, что оборвётся от худого слова. Ни-ни! Ни боже мой! Солдат разом делается суверен. Солдат даже записки-просительные делает: “Боженька, миленький! Помоги мне! Помоги, а? Никогда в тебя больше материться не буду!”

Сам живой классик, напротив, на страницах своих произведений свирепел всё больше. “Его прежние срывы в злобу и мстительность превратились в норму повествования; оснатив же текст подлым ма-

том, он усугубил изображаемое и всячески нагнетает, концентрированное непотребство; не умея вести сразу несколько героев, как бывает в романах, и удерживать их на сюжетной привязи, он сочинил скорее тенденциозный “физиологический очерк”, чем что-либо художественное” – так отзывался о романе “Прокляты и убиты” авторитетный критик Игорь Дедков.

Интересно мнение Валентина Курбатова, одного из самых глубоких знатоков творчества Астафьева, дружившего с писателем многие годы. Он написал обстоятельную вступительную статью к “молодогвардейскому” собранию сочинений В.Астафьева. Как знак судьбы – издание, задуманное как шеститомник, пресловутой перестройкой было прервано, вышло только три тома. В.Курбатов уже тогда предвидел, что тот роман, над которым работает Астафьев, “непрерывно разойдётся с казённым пониманием войны даже в сегодняшнем существенно посмердном взгляде на эту страницу нашей великой истории. Военные идеологии по-прежнему предпочтут объединить Толстого и Астафьева, обвинить того и другого в наивном анти-историзме, и охотнее определят обоих в “литераторы”, чем согласятся признать неправедность тех “суровых законов”, какими они привыкли извирать отсутствие в мире здравого смысла”.

Так, волею критиков оказавшись

в ряду единомышленников Льва Толстого, наш сибирский классик уже не мог оставить свою военную эпопею. Память жгла...

А в марте 1994 года В.Курбатов признал, что Астафьев свой главный роман о войне “начал писать не вовремя, когда не только читателя для него нет, но когда и сам он никак не нащупает ясной системы координат (она ведь не от одного писателя зависит, а и от времени на дворе). Роман с самого рождения выпадает в мифологическую даль, тогда как он менее всего хотел бы именно мифологии, а правды и силы, живой реальности, сегодняшности. А выходит, будто пишет роман о прошлом, исторический роман. Время выдернуло у него главную книгу, к которой готовился всю жизнь, и надо уже не только с материалом бороться, а ещё и с пустотой вокруг, с утратой самого себя” (Цит. по книге В.Огрызко “Победители и побеждённые”, т.1. М.: Литературная Россия, 2010).

На “поздний, перестроечный и перестроенный” Астафьева отзывались многие. Кроме вышеупомянутых генерала Б., полковника в отставке В.Елагина и другие авторы нашего журнала. Так, мой старинный знакомый профессор филологии из Твери Владимир Александрович Юдин читал роман с упоением и писал автору: “Можно не соглашаться с теми или иными фактами, с концентрацией негатива в изображении войны – хотя сама война есть не что иное, как сплошной негатив... Некоторые участники войны будут Вас хулить – может быть, и за дело в определённых случаях. Но главное, думаю, не в этом: главное в том, что Вы чрезвычайно достоверно, психологически убедительно показали бы воюющего, убивающего себе подобных, озверевшего, потерявшего всякое подобие человека...”

А мне, дорогой Владимир Александрович, куда интереснее находить на войне НЕ озверевших, НЕ потерявших человеческий облик людей. Таких, естественно, слава богу, большинство – иначе мир бы перевернулся. Такое же мнение высказывает и профессор Литинститута Борис Андреевич Леонов в статье “Жестокость правда войны” (Русская проза второй половины XX века о Великой Отечественной войне. Изд-во Литературного института, 2008). Назвав астафьевских

персонажей рядовых Рындина и Буддакова, на которых держится сама жизнь на фронте, пару из любимых автором офицеров – младшего лейтенанта Щуса и майора Зарубина, внимательный критик обращает внимание и на связиста рядового Алексея Шестакова, которому автор не только “подарил” какие-то черты автобиографии, но и собственное понимание происходящих в романе событий и действующих в этих событиях людей...

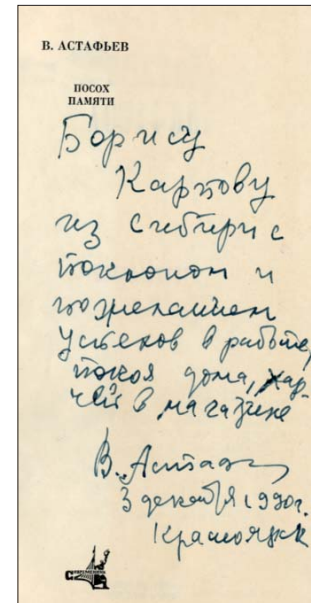
“Вообще же, – сокрушается критик, – как ни горько об этом говорить, в романе практически нет ни одной нормальной человеческой биографии. Как правило, у всех персонажей они какие-то ущербные, убогие, все люди какие-то обижённые, униженные...”

Помню, двадцать лет назад, в горькое и тяжёлое для всех нас (а для наших внутренних войск и вовсе) время, спросил я Виктора Петровича, спасётся ли Россия или уж несёмся с перестройкой-перестройкой в тартарары? Вздохнул тогда наш классик и отвечал: “Получаю хороших людей больше, чем плохих, – спасёмся. А уж если эту плепорию (он порою любил поиграть словом. – Б.К.) нарушим, тогда уж всё!”

Положительный баланс в той “плепории” помогают поддерживать и добрые книги. У самого Виктора Петровича Астафьева их много. Несмотря на тяжёлый, драматический и даже трагический жизненный опыт, который давал материал для его творчества. Помню, как сын мой читал сборник рассказов для детей, озаглавленный светло, как и рассказ Астафьева, вошедший в ту книгу, – “Конь с розовой гривой”. А недавно, перебирая новые поступления на полке книжного магазина, увидел несколько астафьевских томов, вышедших в разных издательствах. Были там и “Пастух и пастушка”, и “Звездопад”, и “Последний поклон”. Были и “Прокляты и убиты”... Остаётся надеяться, что всё многоликое творчество Астафьева будет для раздумчивого читателя зрячим посохом в нашей негладкой жизни.

Валентин Григорьевич Распутин, человек совестливый, болеющий душой за судьбу России, который какое-то время был с Астафьевым в разладе, однажды публично признался: “Я не был у Виктора Петровича все 90-е годы и не попро-

щался с ним. Это произошло в силу разных причин, о которых, может быть, и не стоит говорить. А сейчас я почувствовал просто потребность, невозможность дальше жить с этим, не побывав на могиле. Собрался и поехал. И почувствовал облегчение. Такое же облегчение бывает после исповеди и причастия, когда всё тяжёлое, горькое уходит и чувствуешь себя легко-легко... Могучий он был человек – и духа могу-

чего, и таланта!”

И мне помечталось в эти дни памяти Астафьева побывать на моей и Виктора Петровича родине – в Красноярском великом крае – и захватить в село Ванюк, сходить на кладбище, где упокоился этот могучий русский писатель, подойти к его могиле с последним поклоном★

Борис КАРПОВ

Фото из архива редакции и семейного альбома автора

На снимке на стр. 42 В.П. Астафьев с фронтовым другом П.Г. Николаенко. 1943 г.

Автор благодарит сотрудников московской Библиотеки им. А.С. Пушкина, за помощь в подборе не-

2011 NEW YORK
WORLD POLICE & FIRE GAMES
JUDO
Sponsored by
Paladino Printin

ИЗ НЬЮ-ЙОРКА С ПОБЕДОЙ

В сентябре в Соединённых Штатах Америки прошли XIV Международные игры полицейских и пожарных – комплексные соревнования по более чем шестидесяти видам спорта, в которых приняли участие и военнослужащие внутренних войск МВД России.

Основоположником Игр считается американский полицейский Дюк Найтос. С 1971 года соревнования имеют статус национальных, а с 1988-го официально получили наименование международных и впервые были проведены за пределами США – в Австралии.

В настоящее время состязания проводятся по двум версиям – всемирные и международные. Основной целью и тех и других является установление дружественных отношений и обмен опытом между правоохранительными органами различных стран.

Во Всемирных играх принимают участие исключительно полицейские

и пожарные, а в Играх по версии IPFG – более широкий спектр сотрудников правоохранительных органов: ещё и офицеры военной полиции, работники пенитенциарной системы, иммиграционной и таможенной служб, департаментов шерифов и многие другие.

В нынешнем году соревнования проходили в Нью-Йорке, в выставочном центре имени Джэкоба Джавитца. Организатором традиционно стала Международная полицейская ассоциация. Игры были приурочены к годовщине трагических событий 11 сентября 2001 года, и в этот раз чуть не оказались под угрозой срыва – ураган «Айрин» едва не стал причиной эвакуации населения не только Нью-Йорка, но и мно-

гих других городов восточного побережья США. Это не могло не сказаться на количестве участников, желающих выйти на водные дорожки, на спортивные площадки. Однако участие в Играх всё же приняли двадцать тысяч спортсменов из двухсот стран мира! Причём это не только атлеты-любители, но и призёры соревнований различного уровня, вплоть до Олимпийских игр...

К соревнованиям такого ранга спортсмены идут годами. Например, военнослужащий Северо-Западного регионального командования внутренних войск Виктор Кайзер приехал в Нью-Йорк уже в качестве прославленного дзюдоиста европейского уровня.

Виктор ещё юношей по совету отца Владимира Анатольевича, к слову, мастера спорта Советского Союза, начал заниматься в спортивной академии «Самбо-70» у Сергея Николаевича Лукашова. Увы, легендарный тренер два года назад трагически погиб. Но не погибло его дело. Виктор буквально жил на ковре, шаг за шагом приближаясь к схваткам за звание чемпиона России, Европы, а затем и мира. Трудности было действительно много... Однако несгибаемый характер чемпиона не позволял его наставникам ни на секунду усомниться в силах и возможностях спортсмена.

В Нью-Йорке для Виктора ни одна из схваток не стала проходной. Первый соперник – представитель Китая – оказался спортсменом опытным, пытался подавить российского борца не только физически, но и морально: при выполнении практически каждого приёма он делал короткий и громкий выкрик, тем самым подбадривая себя. На менее опытных соперников это действует угнетающе. Но в Кайзере китайцев ошибся.

Ещё для двоих военнослужащих внутренних войск Игры 2011 года стали по-настоящему успешными. Прапорщик Владислав Серый и рядовой Евгений Айзетулов оказались сильнее многих пловцов на различных дистанциях и вдвоём увезли домой семь золотых и восемь серебряных медалей!

Владислав – из коренных петербуржцев, занимается спортом с семи лет. В секцию плавания отдал его отец, считавший, что каждый человек, живущий у моря, должен уметь держаться на воде. Семья жила рядом со спорткомплексом «Динамо», и бассейн был буквально в двух шагах от дома.

Мальчик оказался не только способным, но и весьма целеустремлённым учеником. Тренеры говорили о его хороших природных данных. Их слова подтверждались результатами соревнований: сначала – между спортивными школами, а потом и на более высоком уровне.

В восьмом классе Владислав принял решение поступить в училище олимпийского резерва. И, как сам говорит, после этого обратного пути у него уже не было, дальше можно идти только вперёд – к победам и медалям.

Год назад он окончил Национальный государственный университет физической культуры имени П.Ф. Лесгафта. Сразу после этого его призвали в армию. После трёх месяцев службы по призыву Владислав заключил контракт и оказался в составе спортивной команды при управлении Северо-Западного регионального командования внутренних войск. Евгений Айзетулов пришёл в плавание ещё раньше своего товарища

по команде. Его родители – тоже спортсмены, с раннего детства собственным примером прививали сыну любовь к спорту. А другом семьи был тренер по плаванию. С занятий в его секции и началась для Евгения дорога в большой спорт.

Сейчас он говорит, что без плавания уже не мыслит своей жизни. Почти все друзья, появившиеся за минувшие годы, так или иначе тоже связаны с плаванием. Режим жизни спортсмена, постоянные тренировки и соревнования помогли Жене развить силу воли и воспитать дисциплинированность.

На Играх полицейских мне больше всего запомнился парад открытия, в котором участвовали представители всех команд, приехавших на соревнования, – вспоминает Владислав. – Вообще, этот турнир – яркое, красочное шоу, праздник, ну и, конечно же, спортивное состязание, где выявляют сильнейших.

Россия оказалась одной из немногих стран, которая отправила на Игры и несколько команд профессиональных спортсменов. В основном же в Нью-Йорк приехали те представители силовых структур, которые либо в прошлом профессионально занимались спортом, либо занимаются им в статусе любителей, совмещая с основной деятельностью. В этих условиях спортсмены международного уровня, вроде Серого и Айзетулова, чувствовали себя весьма комфортно. В то же время россияне были удивлены, как их соперники, многим из которых было под сорок, а кому-то и за пятьдесят, держались уверенно и показывали вполне достойные результаты.

На наших спортсменов произвела сильное впечатление организация церемоний открытия соревнований и награждения победителей. Это были самые запоминающиеся моменты. Вообще на Играх царил очень непринуждённый и доброжелательный атмосфера. Атлеты из разных стран много общались между собой, обменивались сувенирами. Всё это в очередной раз подтвердило справедливость утверждения, что нет лучшего средства для объединения, чем спорт.

Капитан Антон СМЕРНОВ, старший лейтенант Алексей АРЕХОВ

Фото из семейного альбома Виктора КАЙЗЕРА

★

★

★

★

★

БОЛЬШОЙ СТАРТ – БОЛЬШОЙ УСПЕХ!

С 27 августа по 4 сентября в южнокорейском городе Дегу прошёл чемпионат мира по лёгкой атлетике. Сборная команда России завоевала 19 медалей: 9 золотых, 4 серебряных, 6 бронзовых, и заняла второе общекомандное место в негласном медальном зачёте. Стоит отметить, что подобного успеха на мировом легкоатлетическом форуме отечественные спортсмены последний раз добивались лишь в 1991 году, когда выступали ещё под флагом Советского Союза. В составе российской сборной было 18 военнослужащих внутренних войск МВД России, которые показали отличные результаты и внесли весомый вклад в общую копилку наград. Наш сегодняшний рассказ о некоторых из них.

САМЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕМПИОН

Чемпионом мира по спортивной ходьбе на дистанции 50 километров стал приволжский прапорщик Сергей Бакулин.

Его дебют на серьёзном международном уровне состоялся год назад на чемпионате Европы в Барсе-

лоне. До этого были победы на универсиаде и Кубке Европы, однако их было недостаточно, чтобы считаться своим среди мировой элиты спортивной ходьбы. В 2010 году под палящим испанским солнцем Сергеем удалось пройти 50-километровую “королевскую” дистанцию в хорошем темпе и финиши-

ровать третьим. В тот момент никто и предположить не мог, что молодой парень совершит скачок от подающего надежды спортсмена до чемпиона мира всего за год! В Южной Корее Бакулин наглядно продемонстрировал, что природный талант и упорные, изнуряющие тренировки творят чудеса.

Ходьба на 50 километров началась в высоком темпе, который уже на первых километрах дистанции задал чемпион Европы француз Йоан Динис. Он сразу предпринял попытку уйти в отрыв от основной группы ходоков. В погоню за ним устремился представитель Австралии Натан Дикс. Оба спортсмена обладают богатым опытом международных выступлений, но в тот момент, видимо, они забыли, что на “полтиннике” всё решает не только скорость, но и выносливость. За что и поплатились!

Сергей Бакулин не стал форсировать события. С самого старта выбрал оптимальный для себя темп ходьбы и придерживался его на протяжении всей многокилометровой дистанции. И такая тактика принесла плоды: уже на тридцатом километре россиянин захватил лидерство, которое удерживал до самого финиша, ставшего для Сергея победным.

Спортивная ходьба – один из самых сложных видов легкоатлетических соревнований. За три технические ошибки спортсмена дисквалифицируют. Да и по правде сказать, к российским ходокам у судей отношение особое. Однако на этот раз обошлось без претензий к Сергею Бакулину. Техника ходьбы на дистанции у него была безупречна. И в этом огромная заслуга его тренера Виктора Чёгина, воспитавшего не одно поколение чемпионов.

Бакулин финишировал в гордом одиночестве. Ближайший преследователь отстал почти на полторы минуты. Сразу после финиша Сергей взял в руки российский триколор, ответил на несколько вопросов журналистов. А потом вдруг отошёл в сторонку и лёг на асфальт. Спор-

тсмен так выложился на дистанции, что сил не осталось не то чтобы передвигаться, а просто стоять!

– Первый раз после финиша мне было так плохо – сводило все мышцы. Видимо, наступило слишком серьёзное обезвоживание. Сначала вроде бы всё было нормально, дал интервью телевидению. А потом по-

нял, что ног просто не чувствую, даже стоять не могу. Меня увезли в медицинский кабинет, обложили льдом. Сразу пришли массажист и врач сборной. Только за пару минут до награждения решили, что я попробую дойти до пьедестала, – прокомментировал российским журналистам после вручения золотой награды этот эпизод новоиспечённый триумфатор мирового первенства. Кстати, он стал самым молодым чемпионом мира на 50-километровой дистанции за всю историю.

БОЛИ ВОПРЕКИ

Маленький спортивный подвиг в Южной Корее на этой же дистанции совершил ещё один представитель приволжской команды капитан Денис Нижегородов. Долгое время он шёл третьим. За десять километров до финиша австралийский спортсмен Джарред Таллент, шедший вторым, предпринял попытку догнать лидировавшего Сергея Бакулина. Австралиец взвинтил темп и стал отрываться от Дениса. Здесь-то

и проявился настоящий спортивный характер Нижегородова: он не запаниковал, а просто делал своё дело, шаг за шагом по крупницам сокращая отставание. Немногие знали, что российский атлет выступает с незалеченной травмой задней поверхности бедра. Но Денис терпел боль, невероятные физические нагрузки, психологическое давление...

Уйдя в отрыв, австралиец явно не рассчитал своих сил и, как говорят спортсмены, наелся. Обогнать соперника Денису удалось у самой финишной черты. Он всего на секунду опередил Таллента и завоевал серебряную медаль.

Кстати, Нижегородову не привыкать завоевывать награды на пределе возможностей: в 2004 году он стал одним из героев Олимпийских игр в Афинах, когда в соревнованиях по ходьбе на 50 километров при невыносимой жаре, теряя сознание, сумел дойти до финиша, уступив лишь полку Роберту Корженёвскому.

“БРОНЗОВЫЙ” ЛЕЙТЕНАНТ

Двукратным бронзовым призёром чемпионата мира в Дегу стала представительница спортивной ко-

манды при Северо-Западном региональном командовании внутренних войск лейтенант Наталья Антюх. Свои награды она завоевала в беге на 400 метров с барьерами и в составе женской четвёрки в эстафете 4x400 метров.

Некоторое время дистанция 400 метров с барьерами была одной из самых проблемных для российских легкоатлетов. Однако на чемпионате мира в Южной Корее тренеры нашей сборной всерьёз рассчитывали на награду в этой дисциплине. И главной их надеждой являлась именно Наталья Антюх – одна из лучших отечественных бегуний на 400 метров.

Как потом вспоминала Наталья, финальный забег для неё получился непростым. Она установила колодки на 21 шаг между барьерами, но к первому из них подбежала только на 22-м шаге. Из-за этого, казалось бы, незначительного сбоя спортсменке пришлось преодолевать все оставшиеся препятствия уже с другой толчковой ноги. На последнем барьере Антюх была пятой, но к финишу ей удалось подобраться к лидерам и уже на самой ленточке опередить представительницу Ямайки Калису Спенсер.

В предпоследний день чемпионата Наталья добавила к своей медали, завоеванной на дистанции 400 метров с барьерами, ещё одну “бронзу” – в эстафете 4 по 400 метров. Вместе с ней в четвёрку вошли две финалистки “гладкого” бега на 400 метров – Анастасия Капачинская и Антонина Кривошапка, а также Людмила Литвинова.

Уже после первого этапа наши основные соперницы – американки ушли в отрыв. Российские девушки держались рядом с бегуньями из Ямайки. Наталья, бежавшая на втором этапе, получила эстафетную палочку от Антонины Кривошапка третьей. Ей на время удалось вывести нашу команду на второе место, но соперницы-островитянки вновь отодвинули россиян на третье место. На третьем этапе эстафету приняла Людмила Литвинова, а на заключительном – Анастасия Капачинская. Победили американки, Ямайка завоевала “серебро”, наши же девушки второй чемпионат кряду берут “бронзу” в этом виде соревнования, что можно считать успехом.

★
Майор Сергей ДЮЛЬДИН
Фото из архива
ЦСК ВВ МВД России

Геннадий ЕВТУШЕНКО

МЕРИ

ПОВЕСТЬ

* * *

Полного удовлетворения от разговора у опытного Смоленцева не было. Не выходило из головы покрасневшее лицо друга при упоминании Мери. Да и Наталья треплом не была. «Чем чётр не шутит, – думал он, – в жизни всякое бывает. Как бы Юра не “поплыл”, глядя на хорошенькую молодуху. Да и до семьи Мери волна докатиться может. Мир-то тесен! Коллектив он удержит – и не такое видавали. А вот семья... Да и не одна семья! Надо бы прощупать, что и как”.

С этой мыслью Смоленцев решил позвонить Карену. Так сказать, уточнить ситуацию. Позвонил. Поговорили о том о сём. Но старый армянин тоже был не лыком шит: – Слушай, Анатолий, ты что ходишь вокруг да около? С Мери что-то не так? Работает плохо? Ты говори прямо. Я же чувю – не просто так позвонил.

– Да нет, Карен, всё в порядке. Знаний у неё, конечно, маловато и опыта нет. Но это же было ясно с самого начала. Я и брал её не только работать, а ещё и учиться. Девочка способная – старается, прибавляет каждый день. У меня всё под контролем, всё по плану, и уверяю тебя, толк будет. – Он помолчал, подумал. Что ж, Карена на макине не проведёшь. Продолжил: – Ты не думаешь, что Давид её слишком опекает? На работу, с работы... Народ у нас более самостоятельный, посмеивается: на минуту девочка задержаться не может. Но здесь же Москва. Какие-то общие мероприятия, корпоративные встречи... Да и просто иногда после работы задержаться надо, поговорить... То, сё... У женщины, сам знаешь: где, что, почём. А Мери как бы в стороне, ей срочно бежать надо, Давид ждёт. А у коллектива свои законы: вроде бы пустячок, а на работе сказывается... Поговорил бы с Давидом...

Карен ответил сразу:

– Да знаю я Давида. И тебе рассказывал: он у нас – три Отелло в одном флаконе. Тут уж ничего не поделаешь. А я в их отношения встречать не буду. Мери не жалуется. Молодая семья, сами разберутся. Я вмешаюсь – хуже будет. Не бери в голову. Давай подождём, посмотрим. – И после паузы с тревогой добавил: – А может, ты что-то недоговариваешь?

– Если бы что-то было, я бы с тобой не по телефону разговаривал. Уверяю тебя – всё нормально. Просто девочка немного из коллектива выпадает. Но времени-то немного прошло. Надеюсь, перемелется. Не бери в голову! Я же тебе сказал: работает хорошо, и у меня всё под контролем. Пока!

Смоленцев положил трубку. Разговор его успокоил: он понял, что и там всё в порядке. А вот отцу Мери звонок не понравился. Он решил разведать обстановку сам и в тот же вечер отправился в гости к дочери.

Дети заканчивали ужинать, когда в дверь позвонили. Мери пошла открывать.

– Папа? – удивилась она. – Проходи. А мы чай пьём. Налить тебе? Или поешь что-нибудь? У меня всё разогрето.

Окончание. Нач. в № 10

– Нет, дочка. Я на минуту. Встречался тут рядом с одним человеком, думаю – грех не зайти.

Давид тоже встал из-за стола, широко раскинул руки. Они обнялись.

– Проходи, папа. – Давид с первого дня женитьбы стал так называть Карена. – Садись. Тебе чаю или чего покрепче налить? Есть всё: вино, коньяк, водка. Что пожелаешь?

– Текилу.

Давид растерянно глянул на Мери:

– Ну... текилы как раз нет. Но если надо, я сбегаю?

Карен рассмеялся:

– Да шучу я, шучу. Крепче чая ничего не нужно. А чайку – с удовольствием!

Давид и Мери с облегчением переглянулись. Желание гостя – да какого – закон! Чуть не опростоволосились.

– Жена! – с напускной строгостью обратился Давид к Мери. – Гостю – чай!

– Какой я гость, – с притворной обидой сказал Карен, – ваш дом – мой дом, мой дом – ваш дом. Так что я не в гостях.

Мери подошла к нему сзади, обняла за плечи:

– Шутит Давид, шутит. Знаем мы, что это твой дом. Не сердись. – Она повернулась, взяла с плиты чайник, подняла высоко, как молга, и, глядя на чайный водопад, прошептала:

– Вот тебе, папочка, длинный чай. Чтобы здоровье было крепкое, настроение хорошее, а сон безмятежный.

Давид пододвинул пирожные и конфеты.

Карен не спеша пил чай, поглядывая на притихших супругов. Потом не выдержал:

– Ну что вы молчите? Чай выпили, самое время рассказать, как дела. Что нового? Как тебе работаете, Давид? Какие проблемы? Что у тебя, Мери? Ты же раньше в конторе не работала, как взаимоотношения с новыми людьми, как справляешься с обязанностями?

Мери пожала плечами:

– Да особо нечего рассказывать. Работа как работа. К девяти прихожу, в шесть Давид забирает. Дел много, в чём-то сама разбираюсь, если не получается – Юрий Михайлович помогает. Он грамотный и сам юрист по образованию.

– Это зам Смоленцева? Не видел, но слышал о нём. Они друзья. А у Смоленцева плохих друзей быть не может.

– Ну вот. А больше и рассказывать нечего. А в коллективе... Я не очень общаюсь. Вообще-то отношения со всеми хорошие, но отдельно друзей или подруг не завела. Пока сердце ни к кому не лежит. А так, поболтать – это со всеми понемножку. – И она кивнула на Давида: – Вот мой друг и моя подружка.

Карен удовлетворённо покивал головой:

– То, что муж и друг, и подружка – это хорошо. Но от коллектива тоже отрываться не следует. В коллективе, каким бы он дружным ни был, всегда образуются свои группки, симпатии, антипатии... А одинокой льдинкой в широкой реке плавать не очень хорошо.

– Ну что ты как на собрании? – засмеялся Мери. – Да и не льдинка я, а айсберг. – Она подняла вверх руки, зашипела, стала угрожающе надвигаться на отца. – Попадёшься – потоплю, как “Титаник”. – Потом улыбнулась, снова приобняла Карена: – Что-то ты, папуля, неспроста к нам пришёл лекции о коллективе читать.

Не волнуйся, всё у меня в порядке. Работаю с удовольствием, и в коллективе никаких вопросов! Утром хочу на работу, вечером – домой. Всё!

Карен провожал:

– Один умный человек сказал, что это и есть счастье. Дай-то бог, дочка. – Потом повернулся к Давиду: – Ну, а у тебя что, сынок?

– У меня вопросов вообще нет. Щёлкаю, как орехи.

Карен усмехнулся, посидел ещё с полчаса и засобирался домой. Никаких облачков, а тем более туч на семейном небосклоне дочери он не заметил.

* * *

Между тем Давид после ухода тестя казался озадаченным. Сидел в углу комнаты в кресле, о чём-то сосредоточенно долго думал, потом спросил:

– Зачем он всё-таки приходил?

Мери удивилась:

– Разве он обязательно должен приходиться за чем-нибудь? Папа же сказал – был рядом, вот и зашёл.

– Нет, – покачал головой Давид, – он не просто так зашёл. Тут что-то есть. А правда, что у тебя на работе всё в порядке? Или возникли проблемы? Я нутром чувствую – что-то не так! Или влюбился в тебя какой-нибудь хлыщ и проходу не даёт... Давай, давай, рассказывай.

Мери досадливо пожала плечами:

– Опять ты за своё. Нет никакого хлыща, что ты придумываешь!

– А что это за Юрий Михайлович? А, вспомнил, это тот бородатый зам Смоленцева, с которым ты потом беседовала. Видел я, как он на тебя смотрел! Что-то ты мне не рассказывала, что он тебе так часто помогает! Но он же старик, неужели такие могут нравиться?

Горячие кавказские чёртики запрыгали в крови Мери. Как будто пружина подбросила её со стула, южная кровь ударила в голову. Она поднесла палец к виску, с обидой выпалила:

– Совсем чокнулся, что ли? Какой старик? Какой Юрий Михайлович? Скоро к столбу ревновать будешь! – Она тяжело задыхалась: – Подумать только: папа пришёл поинтересоваться, как дела у дочки на новой работе, на первой в жизни работе. Кстаги, устроил меня туда он! И что – сидели спокойно, чай пили, так нет, тебе опять скандал нужен. Видите ли, ревность замучила! К кому?! Если адреналин некуда девать, иди дрова поруби... Нет, лучше вокруг дома побегай.

Она ушла в спальню, опустилась на кровать, заплакала. Давид вошёл через несколько минут, сел рядом, вкрадчиво сказал:

– А я посуду всю вымыл и на место поставил.

Мери дёрнула плечиком, пытаясь сбросить его руку. Но не тут-то было.

– Не сердись, не сердись, я строгий, но справедливый, – зашептал он.

– Какой ты справедливый? Справедливый... Ерунду какую-то сам придумал и меня изводишь. – Она вздохнула: – Когда только это закончится...

– Ну не сердись, – шептал Давид, – это от любви. Ты же знаешь, как я люблю тебя.

– Не знаю.

– Сейчас узнаешь, – шептал Давид, уже задыхаясь и стаскивая с неё футболку...

* * *

Несмотря на то, что большую часть рабочего дня Смоленцев мотался по городу, дела в компании шли хорошо. Каждый занимался порученным делом, все винтики были подкручены, а механизм в целом работал как часы. В конце концов, талант руководителя и определяется тем, как работают подчинённые не при начальнике, а в его отсутствие. Этот коллектив работал слаженно при любых вариантах. Да Смоленцев и не отпуская вожжи: где бы ни был, к концу рабочего дня стремился захватить в офис.

Народа в компании было немного. Все на виду. Анатолий Фёдорович умел создать коллектив, к каждому подобрать ключик. И индивидуально, и на собрании мог и похвалить, и пожурить. Но собрания собраниями, совещания совещаниями, а особое место в компании занимали общие посиделки. Они устраивались в предпраздничные дни и дни рождения сотрудников. За этим Анатолий Фёдорович следил лично. Независимо от статуса именинника он собирал перед обедом весь коллектив, поздравлял виновника торжества, вручал подарок. Потом устраивалось общее чаепитие с тортами, мороженым. Правда, для начальников отделов иногда делалось исключение, как правило, в юбилей. В эти дни руководство компании могло по окончании рабочего дня в кабинете Анатолия Фёдоровича и по чарке выпить. Но в пьянку это никогда не перерастало, и остальными сотрудниками воспринималось как должное.

Время летело. Прошла ещё пара месяцев со дня появления Мери. Как-то после очередного юбилея, когда народ уже разошёлся, она задержалась у себя в кабинете, а выйдя в коридор, услышала негромкий перебор гитары. «Откуда это? Может, кто-то радио не выключил?» – подумала Мери, но тут же сообразила, что это не радио. Это была живая струна и живой голос. Тихонько прошла она по коридору на звук и поняла, что поёт Юрий Михайлович.

Голос у него был не сильный, но приятный. Пел он грустную песню о девушке с чёрными волосами, о её прекрасных глазах и о горах... Армении.

Мери вдруг стало трудно дышать. «Обо мне», – подумала Давид, прислонилась к стене и долго так стояла не шевелясь. А Карелин меж тем пел не просто о девушке, он пел о любви, о расставаниях и встречах, о верности и памяти и о многом-многом другом.

Мери потеряла счёт времени. Ей стало страшновато и за себя, и за Юрия Михайловича. Сладко... и страшно. Как совместить эти чувства? Мери была в состоянии. И только услышав, что Карелин собирается уходить, мышкой выскользнула из офиса и побежала к машине, где её давно поджидал муж...

На следующий день, зайдя в кабинет Мери, Юрий Михайлович увидел на её глазах слёзы и встревожился:

- Что-то случилось?
- Она пожала плечами:
- Да нет. Пройдёт. Это женские дела.
- Ну, пройдет так пройдет...

Карелин вышел из кабинета. Но перед обедом Мери сама зашла к нему. Глаза всё так же заплаканы, нос покраснел, губы дрожат.

– Можно я уйду? – спросила чуть слышно. Было видно, что вот-вот снова расплачется.

– Иди, – кивнул Юрий Михайлович, а про себя подумал: “Не стоит в душу лезть, нужно будет – сама расскажет”.

Утром следующего дня Юрий Михайлович первым делом наведёлся к ней. Глаза у Мери были сухие, вид деловитый.

– Ну что, утряслось?

– Почти. – Она сразу уткнулась в чтение какого-то документа.

“Не утряслось, – понял Юрий Михайлович, но от дальнейших расспросов воздержался. Всё-таки ей лучше, чем вчера. Да и вряд ли что-то серьёзное. Девичьи слёзы близки и легки: взгрустнёт, а через минуту, глядишь, уже смеётся...”

И тем не менее весь день у Карелина на душе кошки скребли, а когда он заглянул к Мери под вечер, та рыдала, уронив голову на стол.

– Мери, Мери, деточка, что случилось? Что за слёзы? А ну давай поднимайся, давай вытрем глазки, приведём себя в порядок и расскажем дяде, что же всё-таки произошло. А потом вместе подумаем, что дальше делать.

Мери не отвечала. Заплакала ещё горше и выдавила с трудом:

– Нет, нет. Никто мне не поможет. И вы не можете.

Он всё же достал носовой платок и осторожно промокнул ей глаза, приговаривая:

– Вот так, давай осторожноенько, осторожноенько потрём. А то и на улицу не выйти. Теперь нос...

Он привлек её и неожиданно для самого себя поцеловал в голову. Чуть выше виска, в волосы. Они пахнули на него незнакомым, но удивительно приятным ароматом. На мгновение закружилась голова. Юрий Михайлович снова прижался к ней губами.

В этот момент дверь открылась, на пороге стоял шеф. Глаза у него, как говорится, медленно полезли на лоб, челюсть отвалилась, говорить он не мог.

Мери ничего не видела – она стояла спиной к двери, а Карелин только махнул рукой: иди, мол, потом расскажу.

Анатолий Фёдорович сделал шаг назад, страшно поворачивая глазами и неслышно прикрыв за собой дверь.

Мери перестала всхлипывать.

– Ну вот, – сказал Карелин, – теперь садись, рассказывай.

– Я сейчас, – коротко бросила Мери и выбежала из кабинета.

“Понятно, побежала наводить марафет”, – решил он и не ошибся: одного взгляда на возвращающуюся Мери было достаточно, чтобы убедиться в этом.

– С мужем поссорилась? – прервал он затанцующую паузу.

Мери кивнула.

– Странно. Поссорились позавчера. Две ночи прошло, а вы и не помирились? Обычно у молодых супругов порохи на ссору хватает до ночи. Потом мирятся. А у вас?

- У него хватило порохи дома не ночевать.
- Как так?
- У родителей был.
- Дела... Чем же ты его так обидела?
- Позавчера после юбилея задержалась, вышла поздно, да и выпила вина. А он меня на улице в машине ждал больше часа. Вот и разошелся. Домой, правда, довёз, а потом из машины высадил – и по газам. Я всю ночь не спала, а утром он позвонил, сказал, что всё, разведёмся! И сегодня не разговаривал.

Юрий Михайлович покачал головой:

– Южане горячие, но отходчивые. Объясни ему, что у нас в конторе заведено все юбилеи отмечать вместе. Увиливать возбраняется, чтоб не вызвать недовольство шефа. Да и не засиживаемся мы особо. На сколько, говоришь, опоздала?

Мери виновато глянула на него:

– Больше чем на час.

– Как же так? Во сколько вы договаривались встретиться?

– Да договаривались-то мы нормально, а я... – Мери опустила глаза. – Я ваши песни слушала.

– Вот оно что, девочка... – Карелин снова погладил её по голове. – Не предполагал, что меня кто-то слушает. Да ещё так терпеливо.

Мери зарделась:

– Ну, вы извините меня, я не хотела подслушивать. Просто вы очень красиво пели. Про Армению... и про девушку...

– С чёрными волосами и персидскими глазами?.. Не бери в голову. Это я от хмельного молодость свою вспомнил... А подслушивать всё равно нехорошо. – Он погрозил ей пальцем, потом добавил: – Не переживай. Нет семьи, чтобы обходилось без ссор. Давид твой – умный парень. Одумается, вот увидишь.

Мери вздохнула:

– Не знаю. Он меня к вам преривновал. Он же видел: все вышли, а меня и вас нет.

Юрий Михайлович покачал головой:

– И этот туда же! Да объясни ты ему – старый я уже для шашень. Хочешь, я Анатолия Фёдоровича попрошу, чтобы поговорил с ним или с его родителями?

Мери замахала руками, замотала головой:

– Нет, нет, что вы? Я сама. Я сейчас подумала: время немножко пройдёт, и я всё улажу...

Мери любила мужа. Но какое-то не совсем понятное ей чувство связывало её и с этим немолодым уже человеком. Всё же она была к нему неравнодушна. Иногда ей казалось, что она даже любит его, и это пугало Мери. Она чувствовала, что и он относится к ней как-то по-особенному, и ей это было приятно. Но она боялась себе признаться, что ей хотелось бы, чтоб он любил её.

Тогда, в тот вечер, слушая его песни, она даже повесила в эту любовь. А сейчас? Как ей не хотелось расставаться с этой мыслью! А он говорит: “Стар я для шашень”! Разве любовь – это шашни?

Карелин пожал плечами:

– Ну, уладишь так уладишь. Я вообще-то и не сомневаюсь. Удивительно, как до сих пор не уладила. Тем более что и прощение за опоздание ты у него попросила. Так?

– Так.

– Ну и всё. Придёт Давид – никаких прощений больше не проси и его ни в коем случае не попрекай. Запомни: для мужчины упрёк жены – самое страшное оскорбление. И не грусти... Рабочий день окончен. Собирайся домой. Готовь ужин нормальный, но не праздничный: праздновать тут нечего. А он придёт, будь уверена. Завтра расскажешь. Всё, вперёд!

Карелин не удержался, чмокнул её в щёчку и вышел из кабинета.

В приёмной Наташа тоже собиралась домой. Юрий Михайлович взглядом показал на дверь шефа, спросил: “Здесь?” Секретарша кивнула. Юрий Михайлович прошёл к себе, сел в кресло, выпил воды. Надо идти к шефу, объяснить, а то ведь сгорит от любопытства старый ловец. Небось думает, что прав был – как в воду смотрел. Всё нормально. Да и что он так разволновался из-за девчонки? Своя семья дома...

А в тот вечер? Тогда ему и правда взгрустнулось. Вспомнил молодость, добавил к выпитому ещё двести и взялся за гитару. Бывает...

Смоленцев разговаривал по телефону. Положив трубку, насмешливо глянул на старого товарища:

– Ну что, на свежачок-таки потянуло?

– Да брось ты! С мужем она поругалась. Два дня ревет, пришлось успокаивать... День закончился, давай по рюмашке?

– Давай.

Шеф достал из шкафа бутылку водки:

– Глянь там, у Наташи закуска кое-какая должна быть.

А когда Карелин возвратился с куском колбасы, сыром, булкой и вазочкой с конфетами, поднял свой стакан:

– Ну, за что пьём? За Мери?

– Нужно будет, и за Мери выпьем. А пока давай за нас. За то, что было, за то, что будет.

– Ого! Тост многозначительный. Ну давай.

Они чокнулись, выпили. Смоленцев откинулся на диване:

– Чую, рассказать ещё что-то хочешь. Давай, время есть.

Карелин кивнул.

* * *

– В ту пору было мне двадцать четыре года и командовал я зенитной батареей, – начал рассказ Юрий Михайлович. – Служил в небольшом городке, ты знаешь. А штаб наш – в Днепровске. Мне частенько там бывать приходилось: то занятия, то сборы, то конференция или совещание, то ещё что... Штаб располагался на городской окраине, прямой автобус туда не ходил, передачку делали на небольшой площадке, где начиналось Загородное шоссе. Загородное – это так оно называлось, а на самом деле – обычная улица, только окраинная, немногочисленная. Да и площадь, где она начиналась, была маленькая: магазинчик продуктовый, несколько стареньких трёхэтажек, которые немцы пленные строили, никакого асфальта. Проезжая часть – булыжник, а вместо тротуаров – утоптанная земля.

Автобус ходил редко: по полчаса, минут по сорок ожидать приходилось. Зимой холодно, промозгло, летом – жара несусветная. А на площади – ни единого деревца, спрятаться негде. И вот однажды в самое пекло стою, проклинаю всё на свете и вижу: выходит из магазина девушка. Симпатичная такая, стройная, с длинными чёрными волосами и глазами огромными. И несёт это нежное создание два арбуза. Вижу – тяжело, аж колени подгибаются. Я к ней: “Давай помогу!”. Она глянула исподлобья, ни слова, ни улыбки. Такая вся серьёзная. Хотела обойти. Но я-то уж дорогу заступил. “Стой, красавица, – говорю, – всё равно дальше не пусти. Нельзя тебе такие тяжести носить. Давай помогу”. Она снова хотела проскочить мимо, но не тут-то было. Я уже авоськи с арбузами подхватил. Дом её был так близко, что я не нашёл даже слов, чтобы заговорить или хотя бы представиться ей. Молча дошли до подъезда, там она остановилась:

– Давайте, спасибо. Дальше нельзя. Родители и так, если видели из окна, ругать будут.

Она упорхнула в подъезд, а я побрёл к остановке, уехал в штаб.

Целый день я думал об этой девушке, вспоминал глаза, волосы, тонкую фигурку. Сколько ей лет? На вид семнадцать – восемнадцать, не больше. Грузинка или армянка, а может быть, черкешенка? Черкешенка казалась мне даже более романтичной. Но тогда я толком и не знал, как выглядят черкешенки. Да это и не важно. Главное, что она мне понравилась, только уж очень молодая.

Я ругал себя за то, что шёл, как болван, рядом и даже рта не сумел открыть, чтобы познакомиться. И что теперь делать? Как повстречать снова? Не петь же под её окнами серенады – не то время, да и родители, видно, строгие. Ведь даже в подъезд зайти не разрешила...

Был я, конечно, пацан пацаном. Но для неё? Всё-таки старший лейтенант, лет на шесть-семь старше. В этом возрасте это имеет значение, да и военная форма добавляла солидности.

Вечером на обратном пути я пропустил три или четыре автобуса, надеясь, что моя незнакомка выйдет из дома или, наоборот, будет домой идти. Вот тут я уж и не упущу случая – познакомлюсь. Но ничего подобного не случилось. Солнце село, стемнело, как всегда на юге, быстро. Надежды на встречу растаяли окончательно, и я уехал к себе в гостиницу. Не встретил я её и на следующий день. И только перед самым отъездом на батарею издали увидел её стройную фигурку. Пошёл навстречу. Но девушка прошла мимо, даже не взглянув на меня.

Вообще-то я не робкого десятка, и познакомиться на улице сложности не составляло, но тут был другой случай. Во-первых, она мне очень нравилась. Во-вторых, в какой-то мере мы уже были знакомы: не зря же я ей арбузы таскал. Догнал, спрашиваю: “Ну что, сегодня тоже арбузы носить будем?” Она остановилась, взглянула на меня, вижу по глазам: помнит.

– Нет, ещё те не съели. Сегодня другие продукты нужны.

– Я помогу.

– Хорошо. А как тебя звать?

– Юрий, а лучше просто – Юра.

– А меня – Марина, – и протянула тонкую ладошку.

– Ну вот и познакомились. Очень приятно. Я тебя здесь подожду.

Она улыбнулась:

– Ладно.

Ждать пришлось недолго, а продуктов оказалось мало. Всё равно я забрал авоську, и мы пошли к её дому.

– Я тебя здесь два дня ждал. Ты что, на улицу вообще не выходишь?

– Выхожу. Но сейчас в доме генеральная уборка, мамы помогаю, поэтому всё время там. А вы?.. То есть ты? Здесь служишь?

– Нет, служу в другом месте. Но здесь в командировках часто бываю. Так что можем встречаться. Завтра утром уезжаю. Давай вечером в кино сходим. Мама отпустит?

– Пойдём. Отпустит.

Мы подошли к подъезду. Она кивнула, указывая куда-то наверх:

– Вон наши окна, на третьем этаже. Здесь мы и живём. Мама, папа, я и брат. Да вот он. – Она показала на чернявого мальчишку, который, как я заметил, крутился около нас от самого магазина. – Это и есть мой брат, Ашот.

Ашот с восторгом смотрел на меня. Думаю, у него сердце от счастья замирало, когда он видел, что у сестры в кавалерах аж старший лейтенант! Я помнил его к себе, он, радостный, подбежал. Было ему не больше десяти. Я протянул руку, как взрослому:

– Давай знакомиться. Я Юрий, а ты?

Ашот протянул свою ручонку:

– Ашот.

– Будем друзьями. Согласен?

Он радостно кивнул.

– Ну вот и хорошо.

Я повернулся к Марине:

– Значит, договорились?

Она кивнула и заметила:

– Только, знаешь, не здесь встретимся. Если мама или папа тебя увидят, точно не отпустят. Ты же взрослый, офицер. А я для них ещё ребёнок. Мне гулять со взрослыми рано. Скажу, что с подружкой в кино иду. Давай встретимся на конечной остановке автобуса, у вокзала. В шесть вечера. Ладно?

– Ладно. А Ашот?

Она улыбнулась:

– Ты хочешь, чтобы я и Ашота взяла с собой? Ашот свой парень, не сдас. Да он умрёт от счастья, что я с тобой встречаюсь...

Так и летели дни. Марина говорила дома, что идёт к подруге, а сама ко мне на свидание шла. Дома у них телефона не было, о мобильниках тогда даже в фантастических романах не писали, так что родителям проверить её было практически невозможно. Связь мы поддерживали через Ашота. Мальчишка вечно крутился на улице у своего дома и охотно вызывал сестру ко мне договариваться о встрече. Ни одного раза наши свидания не откладывались, а вскоре я понял, что Марина влюблена в меня...

Смоленцев усмехнулся, спросил с явной подначкой:

– Так уж и влюблена?

Юрий Михайлович не принял игривого тона:

– Представь себе, да. Был я в те годы недурён собой, характер имел лёгкий, пошутить, побалагурить любил, ну и... звёздочки, не забывая. Всё-таки старший лейтенант в глазах вчерашней школьницы, сам понимаешь... – Карелин закинул. – Помню, праздновали в Днепро-вске день освобождения. У нас в штабе в воскресенье по этому поводу проводили торжественное собрание.

Из всех частей представителей вызвали, и я в их число попал. Быстро сориентировался, со своим командиром договорился и махнул туда в субботу. Вечером с Мариной погуляли, а в воскресенье утром снова встретились на привокзальной площади. Я ей цветы подарил, идём, радуемся, солнышко светит, настроение прекрасное, видим – в центре площади торжество какое-то. Подошли, оказывается, митинг. Пионеры, ветераны в орденах... Эти выступают, ребята с открытыми ртами слушают их рассказы о войне и боях за освобождение города от фашистов. Вскоре митинг закончился, и тут одна шустрая пионервожатая выскочила в круг и к ребятам: “Пионеры! Ура нашим героям-освободителям! Качать их!” Тут все закричали: “Ура! Ура!” – и давай подбрасывать ветеранов. Кто-то сзади и меня подтолкнул в круг. Взлетая в воздух, а кругом аж гудит: “Ура-а-а! Слава Советской армии!” Причём не только пацаны кричат, но и взрослые не отстают. Праздник!

Фуражка моя с головы слетела, но кто-то из толпы заботливо подобрал её и сунул в руки Марине. Когда закончилось это лёгкое безумие и я подошёл к ней, несколько помятый и раскрасневшийся, видел бы ты, как она на меня смотрела! Со слезами на глазах. Как будто это я водил бойцов в атаку, освобождал Днепровск... А говоришь – не влюбился. Ещё как влюбился! Да и я не просто так с ней время убивал. Нравилась она мне. Марина была весёлой, жизнерадостной. С ней было легко. Мы ходили в кино, в кафе, забирались куда-нибудь подальше в тёмную аллею и целовались до изнеможения. А потом...

Она была армянка. Более темпераментной девушки я в жизни не встречал. Бывало, только обнимешь её, прижмёшь к груди, поцелуешь – она вся затрепещет, как листочек, глаза затуманятся, задыхит-задышит, прильнёт всем телом и обмякнет, головку на моё плечо положит и без сил какое-то время буквально висит на мне. Кажется, отпусти я руки – упадёт.

Не было случая, чтобы она пропустила свидание. Я ведь не каждую неделю в Днепровск приезжал, хотя использовал любую возможность смотаться к Марине. Нравилась она мне очень, и лестило моему мужскому самолюбию её ко мне отношение – её преданность, любовь. А вот любил ли я её, как она меня? Это вопрос. Не мог я представить, что эта девушка придёт со мной по всей моей жизни. Может, не созрел для того. А пока мы встречались, казалось, весь мир счастливи вместе с нами и так будет всегда. Но ведь всё когда-нибудь кончается, кончилось это блаженство. Меня неожиданно направили во Вьетнам.

Был жаркий июльский денёк. Я приехал в штаб, чтобы сняться с партучёта. Около одиннадцати утра стоял на той самой остановке, где впервые встретил Марину. Невдалеке с ребятами бегал наш верный Ашот. Увидел меня, подлетел, поздоровался... На этот раз я попросил, чтобы Марина сейчас же пришла к магазину, подальше от родительских окон. Она прибежала сразу, запыхалась, на лице тревога. Ведь обычно я просто передавал через Ашота время вечерней встречи, а он возвращался с её согласием или просьбой о переносе на другое время.

Насколько позволяла ситуация, я объяснил ей, что меня срочно посылают на несколько месяцев в командировку, поэтому вечером нужно встретиться обязательно, попрощаться. Она выслушала меня молча, в её прекрасных чёрных глазах стояли слёзы. Она их не

смахнула. А я не мог этого сделать, не мог прижать её к себе, хотя мне этого жуть как хотелось. Ведь кругом были посторонние люди. Я лишь шепнул ей:

– Не грусти, это только на пару месяцев. – Хотя сам толком не знал, надолго ли еду.

Она кивнула, повернулась и медленно побрела к дому. Я проводил её взглядом и пошёл к автобусной остановке...

Описывать нашу прощальную встречу не буду. Я ускакавал её, как только мог, а она замерла на мгновение, потом слегка отстранилась, покачала головой:

– Мы больше не увидимся, я знаю.

Конечно, я принялся убеждать её, что это не так. Командировка моя недолгая, я обязательно вернусь, и всё у нас ещё впереди. Но она словно не слышала. Наконец тихо сказала:

– Дай мне на прощание свою фотокарточку. Пусть хоть она останется со мной.

Я растерялся. Потом вспомнил, что под обложкой удостоверения личности есть одна фотка. Только я там не один – нас там трое: ты, Мишка и я. Мы сфотографировались в день выпуска, когда впервые надели офицерские погоны. Помнишь? Маленькая такая, четыре на шесть. Мы ещё поклялись, куда бы ни забросила офицерская судьба, помнить друг о друге и никогда с этой фотокарточкой не расставаться... Её я и подарил. На время, разумеется. Вернусь, мол, тогда подарю свою отдельную фотографию, а ты мне эту вернёшь...

Она ничего не ответила, быстро сунула её в сумочку и заплакала ещё горше.

Можешь представить мое состояние.

– Да, – задумчиво произнёс Смоленцев, разливая водку по стаканам, – тут уж не позавидуешь.

– Ну а дальше ты знаешь: Вьетнам, война, бомбардировки, ранение, госпиталь... В самую тяжёлую минуту Марина стоит перед глазами. Сколько я о ней передумал... Бывало, лежу в палате, уставившись в потолок, и вижу перед собой её лицо, каким оно было тогда, на вокзале, в последний вечер. Эти глаза, полные слёз, тонкую фигурку, бредущую к автобусу... Только там настоящему и оценил её любовь, нежность, страсть... В общем, не мог забыть. Каждую ночь о ней думал. Решил твёрдо: выпишусь – и сразу к ней, женюсь!

Провалился полгода с лишним. Вернулся в свою часть. Чуть ли не в тот же день – в Днепровск, в штаб. Целый день по кабинетам ходил, отчёты разные писал, а вечером к ней, к Марине. Летел как на крыльях.

Стоял октябрь, небо хмурое, темно. К дому подошёл, окна её светятся, но вокруг ни души. Ходил я, ходил вокруг да около, а как вызвать, не знаю. И Ашотика верного нет. А мне нестерпимо. “Как же так, – думаю, – даже у смерти на краю мечтал об этой встрече, и вдруг уйти ни с чем. Неужто нет на свете справедливости?” И, представляешь, в эту самую минуту Ашот из подъезда выглядывает. Я к нему:

– Привет, дружок!

Он увидел меня, удивился, конечно, моей бороде (тёмные очки-то я снял). Обрадовался, но тут же и огорчил:

– Я знал, что ты вернёшься. Только не может Маринка выйти. Гости у нас. Все за столом сидят. Приходи завтра. Я с утра на улице буду, учусь во вторую смену. Маринку позову.

– Да не могу я ждать до утра! Уезжаю, – соврал я. – Зови сейчас!

– Не знаю... – Он пожал плечами. – Ну, поднимайся на второй этаж, я попробую.

Поднялся я на площадку между вторым и третьим этажами, сел на подоконник. В подъезде темнота, ни одна лампочка не горит. Минут двадцать, если не больше, прошло. Жду. Наконец на третьем этаже полоска света промелькнула – дверь бесшумно открылась и закрылась. Марина спустилась ко мне.

Как же ждал я этой минуты! Прижал её, целую. Не знаю, сколько времени всё это продолжалось. Наконец я оторвался от неё:

– Ну что, пойдём куда-нибудь, поговорим? Мне есть что тебе сказать.

Она покачала головой:

– Нет, не могу. Там гости...

Я принялся уговаривать. Она плачет, но ни в какую.

Я говорю:

– Бог с ними, с гостями, потом что-нибудь придумаем, отговоримся. Знаешь, как я соскучился по тебе? Каждую ночь ты мне снилась. Пошли! Хочешь, потом я зайду с тобой к родителям, познакомлюсь, всё объясню...

Прижимаю её к груди, глажу волосы, глаза целую. А она всё плачет.

– Нет, – говорит, – ничего тебе объяснять не нужно. И заходить не нужно. Там не просто гости... Я замуж выхожу. И сейчас там, – она кивнула наверх, – мой жених с родителями обсуждают детали свадьбы.

Вот это да-а-а! Гром среди ясного неба. Сказать, что я был ошарашен – ничего не сказать.

– Как замуж? Какая свадьба?!

Она пожалала плечами:

– Так замуж. Ты говорил о двух месяцах, а исчез... вон на сколько. Родители вообще о тебе не знали. А потом обо всём догадались.

– О чём догадались? – не понял я. – Неужто так и простился навсегда, здесь, в грязном подъезде? Разве ты меня не любишь?

Она зарыдала, отступила на шаг, с мольбой в голове спросила:

– Неужели ты не видишь?

Я взглянул на неё со стороны и обомлел. Всё во мне опустилось, а в голове чехарда какая-то. Всего я ожидал, но только не этого. Смотрю на неё оторопело и слова сказать не могу. А она плакать перестала, лицо сразу повзрослело, вздохнула, чуть слышно прошептала:

– Как ты сразу не увидел? Да, я беременна.

Темнотица проклятая! Да и возбуждён я был ужасно. Чего здесь замечать? А тут уж и голова похолодела: “Если месечес семь, думаю, то ребёнок мой. Значит, что же получается... Девчонка беременна, меня нет, а тут жених подвернулся. Всё просто”. И с каким-то облегчением, кивая на живот, спросил:

– Мой?

– Нет, нет! – горячо зашептала Марина. – Это его... моего жениха. Это наш ребёнок, ты ни при чём.

– Как ни при чём?! У тебя же никого не было до меня!

– Было, не было... Ты пропал, а он был рядом. Всегда.

– Так вот оно что! – Бешенство охватило меня от этих холодных слов. – Так вот ты какая на самом деле! С двумя сразу! Сучка!

Я оттолкнул её и пулей бросился вниз. Подальше, подальше от этого дома! Как же я ненавидел её. В голо-

ве всё крутились воспоминания о былом, сцена нашего прощания на вокзале.

Мне было жаль себя. Так жаль, что злота затмевала разум. Вот когда я всем существом своим полюбил Марину. "Идиот, – твердил я себе, – мечтал о встрече, жестибле. И вот тебе достойный финал. Как говорится – приехали!.."

Переживал я долго, мучительно. Но молодость взяла своё. Со временем успокоился. Никогда больше не видел её и не слышал о ней. Её черты даже стали стираться из памяти. Столько лет прошло! И вот Мери... Знаешь, чем-то она похожа на Марину. И в чертах лица что-то есть, и в голосе, и в манере держаться что-то скользит неуловимое. Смотрю на Мери, а вижу Марину. Наваждение какое-то... Нет, точно, сходство есть.

Смоленцев покачал головой, вздохнул:

– Ну, тогда наливай... Слушай, а может, и правда родня? Ты не проверял?

– Да как тут проверишь? Осторожно спрашивал, не жил ли кто из родственников в Днепровске? Не знает. Да и звали её бабушку – Мери. Мери ведь в честь бабушки и назвали Мери. А та была Марина. Не сходится.

– Да что не сходится? – вскинул брови Анатолий Фёдорович. – Мери, Марина... В России любой татарин имеет имя на русский лад. Вон у нас водитель на "Рено". Как ты его зовёшь? Коля? А по паспорту он Нали. У меня офицер был, звали его Геной. Ну, Гена и Гена. Красавец такой, осетин. Одни усы чего стоили. А плясал как! Девчата табуном за ним бегали. А какие его мама пироги лекали! Улыбаха называются. – Смоленцев поднёс пальцы к губам, смачно поцеловал их, закатил глаза. – С руками съезди! Да... Так вот, о чём это я?... Ах да – Гена и Гена. А на самом деле, знаешь, какое у него было имя? Официальное? Урузмах Койтикоевич! Вот как в личном деле значилось! А ты говоришь "Марина"... Так что Марина в Ростове вполне могла быть Мери в Ереване. Ты, друг мой, поглубже копни, поглубже. Если это, конечно, тебе надо. Хотя скажу тебе так: если её бабушка Мери и есть твоя Марина, так что с того? Бабушка её давно умерла, царствие ей небесное... Успокойся. Больше сорока лет прошло. И кончай с этим, а то я подумаю, что стареешь! Давай-ка лучше выпьем, и не казнись. В конце концов, не ты её – она тебя кинула. Верно? Верно.

Смоленцев протянул стакан навстречу стакану Карелина. Они чокнулись, выпили с удовольствием, закусили. Анатолий Фёдорович продолжил:

– У тебя прекрасная семья, жена красавица, дети, интересная работа, здоровья воз. Что это тебе на воспоминания потянуло? Мери хорошая девчонка, хочешь помочь ей? Помогай. А прошлое забудь. А то вижу – чуть ли не роман с ней завёл! Не зря люди по углам шепчутся. Давай, кончай с этим! И дома у неё, видишь, неприятности. Оказывается – был повод.

Он взглянул на часы: пора по домам. С сомнением посмотрел на остаток водки в бутылке:

– Добьём? Чего слёзы оставлять?

Юрий Михайлович разлил остатки по стаканам. Взял свой, задумчиво сказал:

– Всё-то ты, Толя, правильно говоришь. И бабушка Мери – не моя Марина, и больше сорока лет прошло, и семья у меня хорошая... А на сердце кошки скребут. Может, правда, старею? Посмотрим... А пока давай за наши тылы!

* * *

До этого вечера Карелин считал, что никого никогда не предавал. С годами он вычеркнул Марину из своей жизни. И вот теперь, через столько лет бумеранг, как ему и положено, возвратился. Значит, вот что ему было нужно: реабилитировать себя. А как? Что прошло, назад не вернуть. Ни того вокзального летнего вечера, ни тёмного осеннего подъезда. И Мери тут ни при чём. Но какая-то сила неодолимо возвращала его в прошлую жизнь, он понимал, что не успокоится, пока не узнает всей правды.

Прошло несколько дней. Семейные дела Мери наладились. Юрий Михайлович решил, что теперь можно продолжить своё, так сказать, расследование. И во время очередного чаепития он осторожно заметил:

– А всё же мне кажется, что твоя бабушка жила в Днепровске. Ты бы у папы расспросила. Он должен знать.

Мери отреагировала неожиданно резко, чуть не плача:

– Что вы всё меня расспрашиваете? Или я американская шпионка? Или родители мои оттуда? Вы, наверное, в КГБ служили. Не зря тёмные очки носите! Всё чего-то пытаетесь... Вы же полковник?

– Ну да – полковник. В отставке. Только к КГБ я никакого отношения не имею и не имел. Я артиллерист. Зенитно-артиллерийское училище заканчивал. Вместе, кстати, с Анатолием Фёдоровичем. Мы дружили с курсантских лет. Нас трое друзей было. Вот смотри, – он достал из портмоне заветную маленькую фотокарточку, показал Мери: – Это Анатолий Фёдорович, это наш друг Мищенко Михаил, он погиб, а это, между ними – я. Видишь, на петлицах у нас пушки скрещённые – это артиллерийские эмблемы. Плохо, правда, видно – маленькое фото. Зато хранить удобно. Мы сфотографировались в день выпуска. Поклялись дружить всю жизнь, а с этой фоткой не расставаться никогда, до самой смерти. В общем, мы – артиллеристы. А Сталин дал приказ... – Он ещё раз взглянул на фотокарточку: – Да, давно это было. Вся жизнь впереди. Молодые, красивые, все живые.

Мери осторожно промокнула глаза платочком, взяла фотокарточку, с удивлением спросила:

– Так это вы? В молодости?

Внезапно она побледила, бессильно опустилась на стул, обдумавшим взглядом уставился на него, прошептала:

– Так это вы? Это... ты?

Карелин быстро налил стакан воды, протянул ей.

Мери медленно отпила несколько глотков. Подняла на него свои прекрасные чёрные глаза. В них были боль, упрек и... любовь.

Голова у Юрия Михайловича шла кругом. А Мери медленно достала свой медальон, открыла его, повернула к Карелину:

– Смотри, это мой настоящий дедушка.

С маленькой, чуть пожелтевшей фотографии на него смотрел он сам. Только молодой, красивый, улыбающийся, в новеньком офицерском кителе.

Вячеслав Иванович Саломатин – уральский поэт, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг, вышедших в Екатеринбурге и Москве. А ещё он – наш сослуживец, отмечающий в эти ноябрьские дни свой 60-летний юбилей. С чем мы его и поздравляем!

Вячеслав Иванович родился в Челябинской области, окончил Свердловский юридический институт. Срочную службу в внутренних войсках. После увольнения в запас стал офицером милиции, но в 1979 году вернулся в войсковой строй, где два с лишним десятилетия служил в многотиражных дивизионных и окружных газетах в Средней Азии, Казахстане, на Урале. Майор запаса.

Вячеслав САЛОМАТИН

МУЗЫКА ЖИЗНИ

МУЗЫКА БЫТИЯ

Время устроено просто и грубо.
Всё к нам приходит
в назначенный срок:
Кто-то внимает
сияющим трубам,
Кто-то усыпляет
печальный смычок.
Как бы хотелось,
чтоб было иначе,
Только ведь годы
к молитвам глухи:
Кто-то под мудрые клавиши
плачет,
Кто-то поёт под лихие мехи.

Музыка жизни...
Ах нет её краше!
Только, зная, годы
недаром прошли:
Кто-то мне белыми крыльями
машет.
Кто-то меня окликает вдали.

ПАМЯТЬ

Сон чёрным был:
я уходил во тьму,
Угрюмо птицы чёрные кричали...
Мне жаловаться Богу ни к чему
О роковой,
как жизнь сама,
печали.

Что нового промолвлю
в тишине,
Представ перед иконой
со свечою?
Как больно мне?
Что снится мама мне?
И свет иной,
где всё совсем другое?

Тот свет так мудро
вечностью сокрыт,
Тот самый,
где теперь моя родная.
Над нею солнце чёрное горит.
Над нею звёзды чёрные
мерцают...

ОТПУСКНИК

Майор не пьёт из рюмки.
И резонно.
Ведь с чашей горькой
свыкся он вполне.
Его просветы –
только на погонах.
И те давно поблели на войне.

Вечерний город
будет весел скоро:
Гуляют дамы, скуку прочь гоня...
Их не прельстить
просветами майора
В сиянии слепящего огня.

А в поднебесье есть
такое место,
Где память как китайская стена.
Там беспробудно спит
его невеста,
И оттого майору не до сна.

Толпа господ,
роскошно разодетых.
А он кулак сжимает, как чеку.
Майор и сам катается в каретах,
Но – с красными крестами
на боку.

БИТАЯ ИСТИНА

Я сквозь вечность
к Любви устремился.
Одолею, хоть пришлось тяжело.
Но взглянул ей в глаза
и смутился:
А куда же меня занесло?

Сны, как птицы, давно улетели.
Лишь морозно звенит небосвод,
Где, бог знает куда, еле-еле
Бледный месяц ползёт и ползёт.

Стыдно мне
за внезапную жалость,
Только правда, как видно, за ней,
Ведь и сам не однажды,
случалось,
Ползал битым по жизни своей.

Не смотрите вы так ошалело,
Если даже, как призрак, стою:
Не такое уж гиблое дело –
Ползать битым за веру свою.

* * *

Когда наставники дурили нас,
Мол, где-то бродит
призрак коммунизма,
Хотелось повстречать его
хоть раз...
А всё иначе оказалось в жизни.

О милая брехня далёких дней!
Её стыдиться праведно едва ли,
Ведь многое
попроше, но страшней
В своей стране
с тех пор мы повидали.

Куда несёт нас на крутой волне?
Надежды в сердце,
как воды в кринице –
Всего-то ничего, на самом дне...
Мне б только
за соломинку схватиться!

ОСЕНЬ

Не стало лучше в мире.
И об этом
Не хочешь,
а взгрустнётся невольно.
Ведь на твоих глазах
увяло лето

И обратилось
в жёлтый листопад.

Неведом день грядущий?
И не надо!
Нашепчет на ушко лукавый бес,
Что станет скоро
белым снегопадом,
Когда ударит холодом с небес.

В отлёте птицы.
Вроде не впервые.
Но отчего так горестно порой
Не важно чьи,
а всё-таки живые
Кричат живые души под землей?

Войди в свой дом.
Лишь скрипнут половицы,
Да тени замелькают в тишине...
И дрогнет сердце –
как не усомниться:
Должна быть потайная дверь
в стене!

Весь в путях одиночества
глухого.
И ждёшь ты,
что какой-то добрый маг
Войдёт вот-вот
и всё поймет без слова,
А чудо для него – такой пустяк!

ЛЕСНЫЕ ЦВЕТЫ

От алого, жёлтого и голубого
Гармонии не получилось
пока –

Я столько сорвал вас
для счастья чужого,
А для своего
не нашёл ни цветка!

Лесные цветы,
вы такие прекрасные,
Но вам не понять
мою давнюю грусть:
Вы тянетесь к солнцу...
Но что же так страстно я,
Так глупо
к холодному сердцу тянусь?

КЛЮЧ

Красивая, с улыбкой нарочитой
Идёшь, неколебима и горда,
И сердце
крепко-накрепко закрыто
От всех твоих поклонников
всегда.

Они давно, не ведая покоя,
Заветный ключик
к сердцу твоему
Стремятся подобрать
любой ценою,
Да только все старанья
ни к чему.

Красивая, ты так скупа
на милость!
Красивая, ты суд вершишь
сплеча...
А сердце бы и так
само раскрылось
Тому, кто обойдётся без ключа.

ЧАСЫ

История не бог весть и какая,
Но так уже сложилось
на веку –
Беспечный марш
мои часы играют,
А у соседки слышится: “ку-ку”.

Хотя не виноват ничуть,
а всё же...
Её-то время в зыбкой тишине
Звучит куда печальнее
и строже,
И потому порой неловко мне.

И я теряюсь,
повстречав старушку:
Как ни шути, не станет веселей,
Когда в её часах живёт кукушка
И та кукует старость
вместе с ней.

Что впредь? –
тревожусь и гадаю.
И вроде торопиться не с руки.
Но снова марш
часы мои играют
Сомнениям и страхам вопреки!

ЛЕКАРЬ С ОТЛИЧИЕМ

О жизни и творчестве Михаила Афанасьевича Булгакова за последнее время издано немало книг. Однако очередной том в серии “Жизнь замечательных людей” Алексея Варламова – доктора филологических наук и вместе с тем известного современного писателя (лауреата литературной премии А. Солженицына, премий “Большая книга” и “Антибукер”) не затеряется в этом ряду. Читатель найдёт на его восьмистах с лишним страницах массу интересных деталей и подробностей из жизни писателя Булгакова. И в итоге поймёт, что ж надо было сделать судьбе с человеком: каким наградить его даром, через какие взлёты и падения, искушения, испытания и соблазны провести, каких подарить ему друзей, врагов, любимых и любящих женщин, чтобы из-под его пера вышли “Белая гвардия”, “Собачье сердце”, “Театральный роман”, “Кабала святош”, “Мастер и Маргарита” – книги, которые на протяжении многих десятилетий вызывают восхищение, возмущение, жаростные споры, любовь и сомнение, но главное, мало кого оставляют равнодушным и имеют несомненный устойчивый успех не только в нашей стране, но и во всём мире.

Излишне говорить, что всё описываемое в романах и повестях Булгакова знал, испытал, прочувствовал. Летом 1909 года он получил аттестат зрелости, осенью был зачислен на медицинский факультет Киевского университета. Начало Первой мировой застало его с молодой женой Татьяной Николаевной в Саратове, у её родителей. Патристический настрой, охвативший страну, не миновал и дом статского советника Лаппа. Тёща Булгакова, Евгения Викторовна, организовала при казённой палате госпиталь, куда и пригласила поработать молодого доктора.

Осенью Булгаков вернулся в университет, а в мае следующего года подал прошение о зачислении в список желающих нести службу зауряд-врачами 1-го разряда на подводных лодках. Получив отказ (по состоянию здоровья) поступил в лечебный госпиталь в Печёрске. Когда же в марте 1916-го сдал экзамены и был удостоен степени лекаря с от-

личием, написал прошение “заведующему медицинской частью Российского общества Красного Креста при армиях Юго-Западного фронта”: “Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство предоставить мне место врача в одном из лечебных учреждений Красного Креста...”

Его направили в прифронтовой госпиталь в Каменец-Подольский, затем в ходе наступления наших войск перевели в Черновицы. Татьяна Николаевна всюду следовала за ним. Молодая женщина, дочь крупного чиновника, которую готовили для тихой семейной жизни и мирных дворянских забот, попала в адские условия. “Там очень много гангренозных больных было, – вспоминала она, – и Миша всё время ноги пилил. Ампутировал. А я эти ноги держала. Так дурно становилось, что, думала, сейчас упаду. Потом отойду в сторонку, нашатырного спирта понюхаю и опять. Потом привыкла. Очень много работы было. С утра, потом маленький перерыв и до вечера. Он так эти ноги резать научился, что я не успевала”.

В феврале 1918-го Булгаков получил освобождение от военной службы по состоянию здоровья, но через год его как врача мобилизовали петляровцы. Осенью он поступает в Вооружённые силы Юга России, принимает участие “в походах на Чечен-аул и Шали-аул”. Его контузило. Затем судьба привела в военный госпиталь во Владикавказе. Заболел тифом, он остался в городе, захваченном Красной Армией. Выздоровев, поступил на работу заведующим литературной секцией подотдела искусств во Владикавказском ревкоме, руководил театральной секцией.

О дальнейшей жизни и литературном творчестве Михаила Афанасьевича рассказывать не стану: всё это вы найдёте на страницах книги Варламова.

Отмечу лишь вот что. Оказывается, под “колпак ОГПУ” писатель попал уже осенью 1922 года. Уцелел. И через шесть лет о нём так писали осведомители: “У Булгакова репутация вполне определённая. Советские (конечно, не “внешне” советские, а внутренние советские) люди смотрят

на него как на враждебную совластницу единицу, использующую максимум легальных возможностей для борьбы с советской идеологией. Критически и враждебно относящиеся к совласти буквально молят-ся на Булгакова как на человека, который, будучи явно антисоветским литератором, умудряется тонко и ловко пропагандировать свои идеи”.

С осведомителями всё ясно. Да их доносов Булгаков и в глаза не видел. А вот каково ему было читать соратника по газете “Гудок” Илью Ильфа: “Самый законченный вид драматурга – драматург признанный. В его квартире висят театральные афиши и пахнет супом. Это запахи лавровых венков”.

Что ж, видимо, на чужой кухне и лавр пахнет неприятно. Но, как бы ни подтрунивал Ильф, театры выстраивались в очередь за пьесами признанного драматурга. Они шли нарасхват. Сам Сталин неоднократно смотрел “Дни Турбиных”. А на состоявшейся 12 февраля 1929 года встрече с группой украинских писателей остудил булгаковских недоброжелателей: “Если вы будете писать только о коммунистах, это не выйдет. У нас сотворкамилионное население, а коммунистов только полтора миллиона. Не для одних же коммунистов эти пьесы ставятся”.

Вот в какой обстановке Михаил Афанасьевич жил, работал и врачевал человеческие души до самой своей кончины в марте 1940 года.

ПИСАТЕЛЬ, ПЕРЕРОСШИЙ ЛИТЕРАТУРУ

Книгу Людмилы Сараскиной об Александре Исаевиче Солженицыне я читал ещё до выхода тома ЖЗЛ. Впрочем, то, предыдущее издание отличается от нынешнего немногим: оно появилось на прилавках магазинов незадолго до кончины писателя в “молодогвардейской” серии “Биография продолжается”. А так как биография, к сожалению, продолжалась всего ничего, оставалось дописать эпилог...

Том о Солженицыне получился объёмным (под тысячу страниц), но ведь и рассказывать биографу было о чём. Почти девяностолетняя жизнь Александра Исаевича протекала на фоне грандиозных перемен в судьбе нашей Родины. И сам он немало делал для того, чтобы Россия и её измученный войнами и реформами народ жили достойно и не по лжи.

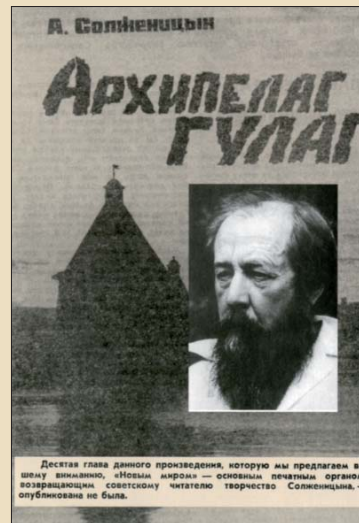
“Живой и мёртвый Солженицын не вмещается в привычные для обычных людей рамки, — подчёркивает Сараскина, ссылаясь на отклики отечественной и зарубежной прессы на кончину Александра Исаевича. — Он занял место, которое пустовало со смерти Л.Н. Толстого, — выше любого государственного поста: в России такие места отводятся только писателям. Солженицын ясно видел свою звезду, которая вела его сквозь мглу и смуту русской истории. С ним уходит эпоха людей XX века и надвигается время безжалостных менеджеров, железных дровосеков и мёртвого гламура. Остаётся верить, что литература так или иначе пробьётся, преодолеет любую тьму и смуту”.

В это очень хочется верить, как и в то, что жизненный и писательский подвиг Солженицына послужит новой литературной поросли хорошим примером.

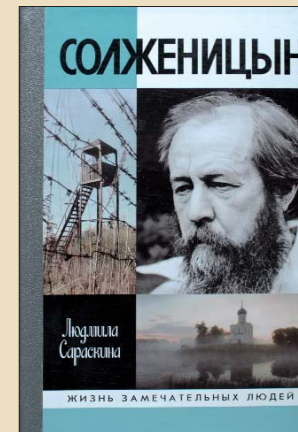
Писать о Солженицыне сегодня, конечно же, очень сложно. “Лицом к лицу лица не увидать”, — справедливо заметил в своё время С.А. Есенин. Нужно время, чтобы

улеглись страсти, утишилась зависть, на смену эмоциям пришла объективность. Ведь на сегодняшний день живы многие из тех, кто всячески стремился преуменьшить его роль в духовном развитии общества, сомневался в его таланте. Ещё А.Т. Твардовский, немало значивший в литературной судьбе Солженицына, подмечал, что целый ряд писателей, отмечая его заслуги и достоинства, не могут признать размеров этой личности — бояться. Ведь в свете Солженицына они принимают свои естественные масштабы.

Но дело даже не в писателях. Изгнанный из Советского Союза, получивший Нобелевскую премию в области литературы, А.И. Солженицын не стал ни орудием, ни рупором в руках тех, кто, казалось бы, “пригрел” его на чужбине. Он остро критиковал как развитый социализм, так и капитализм, переросший в империализм. Искал и в дне сегодняшнем, и в дне минувшем пути, как обустроить Россию, и вёл непримиримую борьбу с западным

Публикация А.И. Солженицына
в журнале “На боевом посту”

пониманием ценностей жизни. Он ненавидел общество голого чистогана, неустанно повторял, что демократию нельзя насаждать с помощью штыков. Он не раз подчёркивал, что свобода в современном обществе бывает разная. Есть та, которая возвышает человека и ведёт к познанию себя и мира, а есть другая, убивающая в человеке человеческое, разрушающая личность, её моральные и нравственные устои, а в результате ведущая к деградации и гибели общества.

Нынешняя Россия, конечно же, не та, о которой мечтал писатель. Да и идёт совсем не по тому пути, на который он указывал в своих трудах. Ну кто сегодня считает главной идеей сбережение народа? Судя по зарплатам и пенсиям — никто. Надо ли удивляться, что россияне убывают катастрофическими темпами, веками обустриваемые территории лежат в запустении, деревни, имеющие тысячелетнюю историю, объявляются неперспективными... Но Солженицын надеялся: “Книги мои, в правильно понятых интересах России, могут понадобиться и много позже, при более глубокой проработке исторического процесса. В борозданных по России крупных чертах Истории есть своя неуклонимость, она ещё проявится. Проявится какое-то позднее долгодействие, уже после меня. И уж всяко помню Ломоносова: “Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети Отечества пожалеют”.

★
Евгений АРТЮХОВ,
член Союза писателей России